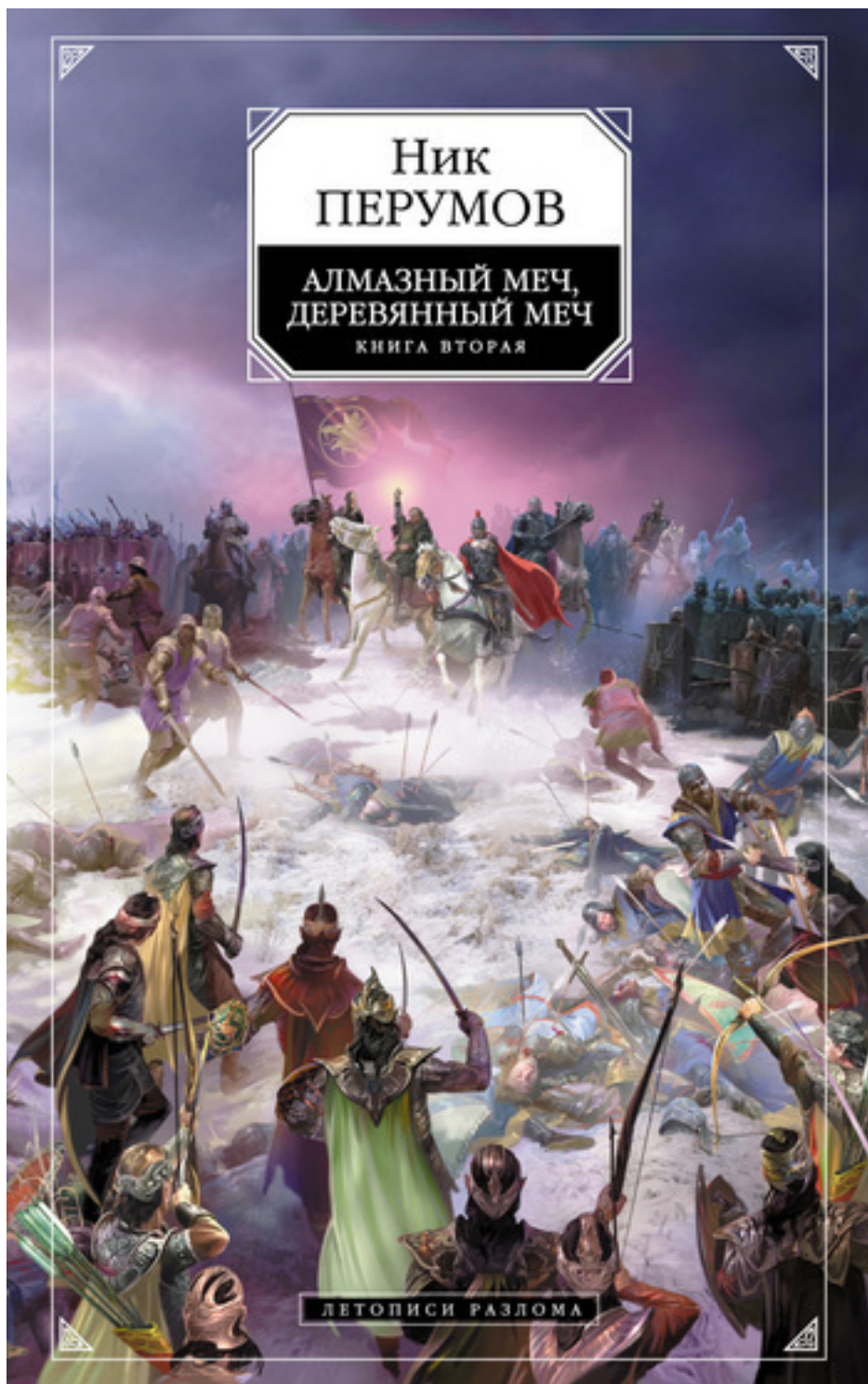

Ник
ПЕРУМОВ

АЛМАЗНЫЙ МЕЧ,
ДЕРЕВЯННЫЙ МЕЧ
КНИГА ВТОРАЯ

ЛЕТОПИСИ РАЗЛОМА

Миры Упорядоченного

Ник Перумов

**Алмазный Меч,
Деревянный Меч. Том 2**

«ЭКСМО»

1998

Перумов Н.

Алмазный Меч, Деревянный Меч. Том 2 / Н. Перумов —
«Эксмо», 1998 — (Миры Упорядоченного)

ISBN 5-04-001029-X

Уже несколько столетий Империя, основанная людьми, победившими гномов, эльфов, орков, и Дану, держится на крови и страхе. Опоры трона – семь Магических Орденов – имеют неограниченную власть над душами и судьбами обитателей страны и самого Императора. Но близок день мести, день начала великой битвы, ибо пробудился уже в глубине Друнгского Леса священный меч Иммельсторн и все ярче светиться Алмазный «брат» его Драгнир, освещая тайные пещеры Подгорного Племена.

ISBN 5-04-001029-X

© Перумов Н., 1998
© Эксмо, 1998

Содержание

Часть вторая	5
Глава первая	5
Глава вторая	23
Глава третья	39
Глава четвертая	54
Глава пятая	69
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Ник Перумов

Алмазный Меч, Деревянный Меч. Книга 2

Часть вторая

Глава первая

– Ушёл! Ушёл. А я проморгала, проворонила, дура старая! – Клара Хюммель в ярости пнула ни в чём не повинную табуретку. – Мой грех, Аля, недоглядела! Недооценила. Твой петушок, оказывается, куда крепче, чем я думала. Сбежал! Сбежал и портал запечатал! Знал, негодяй, что мы кинемся его искать. Не пожалел отцовского амулета, только б нас с толку сбить!.. – Силы великие, Клара, что же теперь делать? – простонала тетушка Аглая, обхватив голову руками.

Просторная поварня носила на себе следы безудержного гнева боевой волшебницы – пара чёрных пятен гари на стенах, куда Клара в запале всадила по молнии, бесформенные груды посуды и утвари, сметённые со своих мест, вздыбившиеся в дальнем углу плиты пола. По потолку очумело металось какое-то существо: не то муха, не то паук размером с кошку; его Клара сотворила мимоходом, после чего некоторое время прицельно расстреливала огненными шарами.

– Что теперь делать? – Клара бухнулась в деревянное кресло, задрала обтянутые кожаными лосинами ноги на стол и принялась набивать трубку. – Ничего не сделаешь, Аля. Он уже, наверное, в Мельине. А там его сам Архимаг не найдёт. Не город, а крысятник – столько всяких ходов, подземелий, катакомб...

– Но, Клара, мальчик же...

– Всё понимаю! – Волшебница зло зыркнула на подругу. – Не надо только ничего говорить, Аля. Ну что ж... придётся мне отправляться в гости к Сежес и иже с ней. Работа предстоит немалая... Кэрли у нас парнишка способный.

– Ой, Клара, ой, спасибо тебе...

– Rhobuar reacyul! – по-гномьи выругалась волшебница. Тётушка Аглая тотчас залилась румянцем.

– Клара, ты что, такие слова...

– Тут иначе и не скажешь, – пробурчала Хюммель. – Ладно. Скоро-споро снаряжусь, в путь-дорогу я пущусь... Прощай, Аля. Не печалься. Думаю... через недельку я твоего ненаглядного племянничка хоть связанным, но притащу. Не надо, не надо, не охай и не благодари! А то обижусь.

...Она уже подходила к своему дому – почти в самом сердце Долины, на берегу Круглого Озера, когда её внутреннего слуха слегка коснулся мягкий, осторожный и деликатный зов:

– Клара, прости, что отвлекаю ...

– Моё почтение, господин Архимаг! – Клара мгновенно подобралась.

– Военная косточка, – вздохнул тихий голос Игнациуса. Могущественнейший волшебник терпеть не мог войн и всего с ними связанного. К Гильдии боевых магов Игнациус всегда относился с плохо скрываемой брезгливостью. Единственное исключение было сделано для Клары Хюммель. – *Перестань тянуть, Клара, мы не на плацу. Извини, что отрываю*

от важных дел, но тебя не слишком бы затруднило уделить мне пять минут для приватной беседы?

– *Пять минут? А мы успеем?* – не удержалась волшебница.

– *Клархен ...* – укоризненно, словно наставник расшалившейся девчонке, заметил Архимаг.

– *Прошу прощения, господин Игнациус,* – елебно пропела Клара. – *Уже бегу. Немедля. Теряя по дороге части туалета ...*

– *Клара ...* – продолжал расстраиваться чародей. – *Ну когда ты наконец повзрослеешь ...*

Несмотря на то что возраст Клары перевалил за три сотни, Игнациус имел все основания обращаться к ней, как к девчонке. Сам-то он был раз эдак в десять постарше.

Архимаг, некоронованный король Долины, жил скромно. Дом его стоял в центре посёлка, возле Рунного Камня, намертво вросшего в землю на берегу озера.

Каблуки Клары постукивали по тщательно выметенным и вымытым за ночь тротуарам – гоблины-дворники знали, что последует, если на идеально чистых улочках Долины окажется хоть одна соринка. Волшебница шла мимо утопающих в зелени домов – почти настоящих дворцов, с мраморными статуями, колоннадами, портиками, ротондами, эркерами и прочими архитектурными ухищрениями. Здесь жили чародеи Гильдии целителей, и заказы они принимали самое меньшее от принцев крови.

В Долине всегда стояла хорошая погода: царило вечное лето, нежаркое, ласковое, земля в окрестностях давала три урожая в год, возделываемая руками арендаторов, собравшихся сюда из множества разных миров. И нелегко, ой как нелегко было получить вожаемый надел бедолагам, что сумели добраться до сторожевых застав!..

Но о них Клара Хюммель никогда не думала. Она даже не замечала их поклонов – низких и раболепных. Те, чьим трудом и процветала Долина, для Клары ничего не значили. Она была боевым магом, и этим всё сказано.

Дом Архимага Игнациуса отделяла от улицы невысокая изгородь, вся увитая тёмно-зелёным плющом. Сам дом, небольшой, двухэтажный, с башенкой обсерватории на крыше, казалось, скорее подошел бы средней руки купцу, чем могущественному чародею, способному гасить и вновь зажигать звёзды.

Клара отворила скрипучую калитку. Слуг Игнациус не держал, всё потребное по дому делал сам или с помощью магии, и, конечно, до несмазанных петель руки у него никогда не доходили.

– Клархен! – Архимаг уже стоял на крыльце, приветствуя гостью. Совершенно седой, смуглый, впалые щеки, нависший над тонкогубым ртом крючковатый, как у ястреба, нос. – Нет-нет-нет... – Он сердито нахмурил кустистые брови, но Клара, в полном соответствии с этикетом, уже стояла на одном колене, приложившись к сухой старческой ладони.

– Ты что, ты что, вставай немедленно! – всполошился Игнациус. – Знаешь ведь – я этого не люблю...

– Что ж я могу поделаться, владыка, – тихонько ответила Клара, и в самом деле ощущая себя в этот миг простой девчонкой, только-только окончившей Приготовительные классы Академии. – Как еще я могу выразить свое уважение?

– Выражай как-нибудь иначе, – буркнул Игнациус, в смущении поглаживая белоснежную, как и положено магу, бороду. – Проходи. У меня к тебе серьёзный разговор.

Дом Игнациуса изнутри очень походил на своего хозяина. По углам застыла тяжёлая мебель чёрного дерева – буфеты, шкапы (не шкафы, а именно *шкапы*, по мнению Клары, куда более древние, чем сам Игнациус); стены до середины были покрыты резными панелями драгоценного каменного дуба, выше – кремовые тканые шифоны. Едва волшебница и Архимаг шагнули за порог, дверь мгновенно и бесшумно захлопнулась.

Клара почувствовала едва ощутимую теплую струйку, коснувшуюся щеки. Игнациус ставил защиту, да такую, что пробить её не смогли бы все обитатели Долины, возникни у них такая безумная мысль.

– Пройдём в кабинет. – Архимаг учтиво посторонился. Резные створки сами собой раскрылись перед волшебницей.

В кабинете Игнациуса царил строгий, почти маниакальный порядок. Бумаги, свитки, книги, манускрипты, глиняные таблички, берестяные грамоты – всё на своих местах. Единственное окно закрывала внушительной толщины решётка.

Игнациус задернул шторы.

– Не хочу, чтобы нас видели, – неожиданно сказал он.

Клара едва не поперхнулась от неожиданности.

– Но кто?..

– Есть теперь и такие, – строго сказал волшебник, садясь в знаменитое свое кресло, сделанное из черепов чудищ, в разное время поверженных Архимагом. – Ты спросишь – кто они такие?.. Пришедшие с Границы, Клархен, пришедшие с Границы.

– Почему же мы тогда бездействуем?! Устроить облаву и выловить всех мерзавцев до единого! – Клара стиснула кулаки.

– Дорогая моя, ты мыслишь чересчур прямолинейно... как истинный боевой маг, и это меня несколько огорчает. – Игнациус нацелился в Клару длинным сухим пальцем с отращённым жёлтым ногтем. – Я поставил защиту, потому что всякий знает – без оной я разговариваю разве что с зеленщиком или молочником. Отсутствие защитных заклятий показалось бы подозрительным. Нет, всё должно быть как всегда. Сейчас я встану и задерну штору. Тоже как всегда.

Кабинет погрузился в сумрак. Некоторое время Архимаг молчал, положив острый подбородок на сцепленные пальцы рук и проницательно глядя на Клару.

– У меня к тебе просьба, милая Клархен. Нет-нет, погоди, не надо высокопарных слов. Я знаю... м-м-м... у твоей подруги, Аглаи Стевенхорст, есть некоторые интересы в Мельине, которым... м-м-м... которые тебе также небезразличны, – закончил он почти смущённо. – Извини, ты ведь знаешь, я терпеть не могу лезть в чью-то личную жизнь, но...

– Я готова исполнить любое повеление. – Волшебница склонила голову. Игнациус поморщился.

– Перестань, девочка. Это не повеление. Это просьба. Потому что, имей я что приказать – будь уверена, вся ваша Гильдия в полном составе отправилась бы его выполнять. Но я не имею. Приметы смутны, предсказания расплывчаты, гадания противоречат одно другому. Ясно только одно – твари с Границы уже здесь. Они проложили тропку в наш мир... и теперь ждут только подходящего момента. Ты спрашивала – почему не выследить мерзавцев? Да, это было б неплохо. Только это ведь не вторжение, Клара. Пока не вторжение.

Мне нужен разведчик в Мельине. Там творится нечто донельзя странное. Даже мои чары бессильны явить картину происходящего. Я прошу тебя отправиться в Мельин, но – ради всего святого – ни во что не вмешиваться. Слепые силы, держащие в равновесии все Упорядоченное, очень чувствительны. Растревожить их очень легко, а вот потом успокоить – куда как труднее. Впрочем, ты всё это знаешь не хуже меня. Разберись, что там такое, кто с кем схватился, почему и во имя чего. И возвращайся. Очень желательно – целой и невредимой. – Игнациус вздохнул.

– А что может быть нужно... этим тварям с Границы? – спросила Клара. – Мы враждуем давно, наверное, с сотворения Мира, но...

– Я не знаю. – Игнациус покачал головой. – Если бы эти бестии были слугами Великого Хаоса... тогда всё ясно. Смерть, разрушение, низведение всего до уровня Первоначального. Однако эти совсем иные. Я чувствую их присутствие. Но не более. Себя они ничем не

проявили – по крайней мере здесь, в Долине. Единственный мир, где, как мне кажется, они уже действуют, – это Мельинская империя. Я прошу тебя отправиться туда. В одиночку. Эти твари хитрее и осторожнее крыс.

– Я должна...

– Клархен, деточка, ты должна увидеть их. Хотя бы одну. Ничего больше. Упаси тебя Творец попытаться захватить их или паче чаяния ввязываться с ними в драку. Они тогда просто уйдут, а мы так и не отыщем прогрызенной ими дырки. Следующий раз они пройдут дальше и легче. Тебе всё понятно?

– Да, – смиренно сказала волшебница. – Но, владыко, неужели в таком важном деле ты полагаешься только на...

– Конечно, нет, милая Клара, – сухо зато ответил маг. – Конечно же, нет.

* * *

«Кажется, на этот раз ушёл чисто», – подумал Кэр. Он пробирался через заболоченную низину уже добрых три часа, и непохоже было, что Кларе удастся его достать. Заклятие оказалось нацелено не совсем точно, Кэра выбросило милях в пяти к западу от Мельина, в самом сердце глухого Ведьминого Леса. Название сохранилось ещё с тех времен, когда только-только набравшее силу Семицветье огнём и мечом искореняло неподвластную ей магию. По слухам, именно здесь совершались жуткие обряды, захваченные «ведьмы» – то есть умевшие хоть сколько-нибудь колдовать женщины – приносились в жертву неведомым богам. В Долине болтали, что этот, без сомнения, варварский метод оказался тем не менее довольно-таки действенным.

С тех пор прошли века. Лес залечил раны. На месте алтарей, жертвенников и кострищ поднялась новая поросль. Однако, несмотря ни на что, камни и корни крепко хранили память.

Здесь, в Империи, ночь вот-вот должна была вступить в свои права. Среди могучих столетних лесных исполинов духи воздуха ткали мягкую вязь туманных покрывал. Кэр поёжился – вечер выдался прохладным, а использовать магию он не хотел. Плотнее закутался в плащ, поудобнее перехватил глефу. Ведьмин Лес пользовался дурной славой. Императоры – и отец нынешнего, и дед – не раз поговаривали, что, дескать, неплохо бы его вырубить совсем, но каждый раз противилась Радуга. Насколько мог судить Кэр, здесь было нечто вроде заповедника. Именно в Ведьмин Лес отправлялись охотничьи экспедиции семи Ордеров, когда требовалось пополнить запасы в зверинцах. По изобилию водившихся здесь мерзких тварей Ведьмин Лес дал бы фору даже зловещим северным чащам. И сейчас юноша ощущал чужое присутствие, жадные глаза следили за ним из-под корней, чьи-то носы алчно ловили его след на земле, а там, с вечеряющего неба пару раз донеслось хлопанье явно не птичьих крыльев.

Разумеется, никто бы не потерпел в самом сердце Империи такой рассадник чудищ, если б не Радуга. Кэр краем уха слышал, что сюда, в Ведьмин Лес, отправляли приговорённых к смерти. Особенно если приговорённые отличались знатностью происхождения.

Правда, он до сих пор шел как по ровному. Никто не дерзнул заступить ему дорогу. С одной стороны, это, конечно, радовало, но с другой – неужели ж от него так несёт силой Долины, что даже неразумная нечисть Ведьминого Леса спешит убраться от греха подальше?

По его расчётам, до края Леса оставалось идти ещё с час. Немного. Ещё полчаса через поля и выгоны – и он окажется на большаке. Едва минет полночь, будет в Мельине. И тогда...

Он взмахнул глефой, перерубив какой-то канат, подозрительно мягко упавший сверху прямо перед его лицом. Брызнула горячая кровь, корчащееся змеиное тело свалилось под ноги, окутываясь багровым паром.

Первый привет от Ведьминого Леса.

Кэр даже не нагнулся посмотреть добычу. Перешагнул и двинулся дальше.

Из чащи на него смотрели нечеловеческие глаза. Слишком пристально и внимательно даже для полуразумного зверя.

Однако ему дали уйти невозбранно.

Змея так и осталась единственным чудищем, встретившимся в Ведьмином Лесу. Как он и рассчитывал, через некоторое время деревья наконец расступились, он очутился на неширокой полоске ничейной земли, заросшей буйным прутьяком. Однако даже крестьянские козы – ни-ни! – никогда не забредали сюда поглотать веток.

Брести через выгон пришлось довольно долго. Вскоре впереди тускло замерцал огонёк – напрягшись и пустив в ход самую малость магии, Кэр разглядел каменную казарму, обнесённую самой настоящей стеной с бойницами. Две угловые каменные башенки, судя по всему, предназначались для лучников. Между бойниц то и дело поблёскивал огонь.

Легионеры. Кэр с досады хлопнул себя по лбу. Болван! А он-то ещё радовался, что его забросило в столь глухие места! Конечно же! Разбросанные вокруг Ведьминого Леса манипулы Восьмого легиона, взявшие в кольцо гнездовые столь любезных Радуге чудовищ. И, разумеется, доверяют они не собственным глазам, а охранным заклетиям, наложенным той же Радугой. Счастье ещё, что Кэр не пересёк границы. А то бы уже пришлось иметь дело с легионерами, убивать которых ему вовсе не улыбалось.

Некоторое время он потратил на то, чтобы отыскать сторожевые нити. И уже приготовился аккуратно закольцевать одну из них, когда...

Восточный край небосвода озарила мрачная алая вспышка. Мгновением позже раздался громopodobный удар, ещё чуть позже налетел горячий ветер, заставляя Кэра спрятать лицо в ладонях.

Ветер был полон злой магии.

Кэр услышал крики. Сейчас все легионеры, что только были на заставе, выскочат на крышу смотреть. Хотя чего там смотреть? Ясно и так – в Мельине пошла в ход самая изощрённая, самая мощная боевая магия Радуги.

Как Кэр и предвидел.

Он быстро, двумя кинжальными заклетиями перерезал незримые нити «тревожки» и, не скрываясь, в полный рост зашагал дальше. Ждать больше нельзя. К утру от Мельина останутся только груды пылающих развалин.

«Ты должен успеть, ты должен успеть», – твердил он про себя, шагая по большаку. – Пусть мне ещё неясно, что делать, но успеть я должен. Эх, эх, мне сейчас бы того крылана!..»

Ночной тракт был пуст и мёртв. На востоке всходила луна, однако её лик едва можно было различить – невидимый во мраке, впереди поднимался исполинский столб дыма.

А снизу его подсвечивало тускло-багровое зарево.

Мельин горел.

Воин Серой Лиги (в ней Кэра, одного из лучших разведчиков, знали под именем Фесс) остановился.

«Кажется, пора перестать играть в игрушки».

Он на ощупь вытащил из заплечного мешка маленькую вещицу – оправленный в бронзу кусок янтаря с окаменевшим скорпионом внутри. На первый взгляд – ничего особенного, дешёвая побрякушка; однако Фесс знал, каких трудов и какой крови стоило его отцу добыть эту безделушку на Заокраинном Западе, в тех странах, где никогда не заходит солнце.

Этот предмет способен был в один миг переправить его куда угодно, в любое место ведомой и неведомой Ойкумены, притом Фессу не грозило очутиться в самом сердце скалы или напороться на дерево. Другое дело, что силы талисмана быстро иссякали, а возобновить их можно было либо в Долине, либо там, где сделали оберег.

Фесс сжал его в правом кулаке. Повернулся лицом к едва-едва тлевшей на дальнем горизонте зеленоватой закатной черте – и медленным речитативом начал заклинание.

Полились неторопливые звуки древнего языка, рождённые в эпоху столь древнюю, что по сравнению с ним казалось юным даже светило. Смысл этих строк давно забылся, отец Фесса, прежде чем погибнуть, провёл немало времени, тщась расшифровать загадочные слова. Безуспешно.

Слоги звучали, точно гулкая медь старинных колоколов. Мир вокруг стал внезапно болезненно, пронзительно чётко; все оказалось словно залито бледным лунным светом, но настолько резким и сильным, что разглядеть можно было даже самую мелкую песчинку под ногами. Все предметы предстали как бы в особицу, не заслонённые, не затенённые другими. Пространство меж ними исчезало, пожираемое невесть откуда рванувшейся Тьмой.

Так всё и застыло – на грани света и мрака. Фесса окружали тени-призраки деревьев, ноги его попирали серый труп дороги, завернутый в саван из пыли, а потом в самой глубине обступившей воина темноты родилось какое-то движение.

Фесс не выдержал – вздрогнул. Ни о чём подобном записки отца не говорили.

Тьма раздёрнулась, словно театральная занавес. И прямо на Фесса разъяренными алыми глазами-буркалами глянула знакомая уже физиономия козлоногого ночного гостя.

– Ты!.. – загремело в ночи. – Как смел ты, червь...

Откуда-то из-под взметнувшейся полы плаща тянулась уже к добыче длинная когтистая лапа, не имевшая ничего общего с человеческой плотью.

Каким-то поистине сверхусилием Фесс удержал готовую вот-вот прорваться под натиском безумного страха плотину в своём сознании. Всё, что он сейчас мог, – это сохранять до предела натянутую сеть заклатья. Пошевелить рукой или ногой значило остаться как раз без этой самой руки или ноги. Он не мог даже говорить. Все слова, какие можно, давно уже сказаны.

Когти тянулись, тянулись, тянулись...

Однако и само заклатье работало. Лапа козлоногого никак не могла добраться до Фесса – расстояние меж ними всё увеличивалось и увеличивалось, хотя воин по-прежнему не делал ни одного шага и вообще не шевелился. Пространство само рвалось навстречу козлоному, и его сила не могла превозмочь власть древней магии.

Серый полусвет вокруг стянулся в тугой непрозрачный кокон. Исчезли деревья, исчезла дорога, исчез козлоногий; только чёрная, поросшая какими-то не то лишайниками, не то полусгнившим мехом лапа неподвижно застыла, в бессильной угрозе вознеся кинжалы когтей.

А кокон уже разматывался...

Внутри хлынул трепещущий алый отсвет пожаров.

Фесс был в Мельине.

И у ног его валялась жуткого вида костлявая лапа козлоногого, с корнем выдранный из сустава.

* * *

Агата открыла глаза, мимоходом удивившись тому, что до сих пор жива. Заклатье, которым воспользовался Верховный маг Арка, оказалось не из приятных. Тело болезненно ныло, отчаянно протестуя при одной только мысли о том, что нужно куда-то идти.

Девушка лежала лицом вверх, глядя прямо в чёрное, клубящееся тучами небо. В воздухе стоял отвратительный, металлически-кислый запах, настолько сильный, что Агате тотчас же стало дурно.

«Сила Лесов... да ведь я под Смертным Ливнем!» – с ужасом подумала она.

Крупные ядовито-желтые капли, точно стрелы, метили ей прямо в глаза. И, не долетев до возжеленной живой мишени, бессильно скатывались по невидимому щиту, закрывавшему девушку-Дану с головы до ног.

Чары Арка оказались всё-таки сильнее... по крайней мере сейчас.

Агата заставила себя встать. И удивилась, мельком глянув на себя: заклинание Верховного мага не только перебросило её под Ливень, не только защитило от неминуемой гибели, оно ещё и изменило её одежду. Вместо серой хламиды рабыни – удобная куртка из мягкой кожи новорождённого лосёнка, просторные брюки, заправленные в высокие сапоги. Оружия при ней, правда, не было. Да и то сказать – какой меч (кроме разве что Иммельсторна) она может противопоставить такому чудищу, как Хозяин Ливня?

Не было при ней и никакой еды. И ничего, чтобы разжечь костер – хотя какой огонь выживет здесь, среди мокрой гнили? Очевидно, в Арке рассчитывали, что с делом своим она справится быстро... или столь же быстро погибнет.

Куда идти дальше, она не знала. Даже Верховный маг Арка не мог пробиться своим чародейством под непроницаемый покров Смертного Ливня. Оставалось надеяться, что Хозяин где-то неподалёку...

С минуту она колебалась, размышляя, могут ли сейчас мэтры Красного Ордена видеть то, что с ней происходит. Решила, что едва ли – тогда бы они вполне смогли справиться с чудовищем сами, без её, Дану, помощи, и пошла куда глаза глядят.

Кругом под хлещущими бичами Смертного Ливня корчился лес. Все живое попрыгалось, не высываясь наружу без крайней на то нужды. Ливень без пощады уничтожал плоть людей, Дану, гномов, эльфов, пожирал всяких упырей и иную Нечисть, сотворённую при помощи магии или магией пользующуюся, но простых лесных тварей он миловал, хотя ожоги оставлял.

Агата плелась сквозь дикую чащобу, перебираясь через поваленные стволы, прыгая через непонятно откуда взявшиеся рытвины, обходя жуткого вида чёрные ямы, покрытые громадными пятнами чёрно-розовой плесени. Куда она идёт, девушка не знала. Но надо было двигаться. Это она чувствовала. Иначе – смерть.

Здесь, под Ливнем, казалось, царил вечный полумрак, словно летним вечером. Солнце не могло пробиться сквозь плотную пелену, ни единого его лучика не проглядывало сквозь несущуюся броню туч. И тем не менее Агата ощущала его. Солнце только-только поднялось над горизонтом. Разгоралось утро.

Вскоре удалось выбраться из овражистых буреломов на более-менее ровное место. Деревья поредели; и, едва взглянув на одно из них, Агата чуть не вскрикнула от удивления.

Ей повезло набрести на островок чудом уцелевшего Друнга, Леса Дану.

Auanno, Drquitti, Atmilla... Агата повторяла имена деревьев, словно имена родичей, подруг. Просто стояла и повторяла. Хотелось заплакать – но слёзы, похоже, навсегда остались там, в забытом детстве. Хотелось прижаться к морщинистой коре стволов – но заклятье Верховного мага хранило Дану лучше её самой, не давая слабой плоти коснуться напоённой Смертным Ливнем поверхности.

И всё-таки это был Друнг. Деревья узнали её, пусть даже и под покровом чуждой, ненавистой хумансовой магии. Агате чудилось – она слышит невнятное бормотание, обращённые к ней голоса; неосознанно потянулась вперед – зачерпнуть сосредоточенной под корнями деревьев Силы, пусть даже этой Силы не хватит даже затеплить лучину.

Агату никто и никогда не учил магии всерьёз. К моменту её рождения величайшие волшебники народа Дану уже пали в безнадёжной борьбе с Радугой; их ученики шли в бой, едва-едва освоив пару-тройку заклятий. И, конечно же, гибли, гибли, гибли...

И сейчас девушка *потянулась* за Силой так же естественно, как умирающий от жажды тянется к воде. Может, сказались наложенные чары. Может, беснующийся вокруг Смертный Ливень. Но, так или иначе, Агата ощутила, что на миг сделалась единым целым с этой небольшой рощицей, прочувствовала каждый корень и каждый трепещущий под ударами злых капель ещё не сорванный осенью лист. Она сама сделалась деревом, раскинула руки-ветви, облако волос стало листвой, пальцы ног – корнями.

Мгновение растянулось на годы. Деревья говорили с ней, поверяя свои боль и ужас; она видела рассеянные тут и там среди моря мусорных хумансовых лесов клочки Леса Истинного, Леса Дану. Она уходила в прошлое, когда великая держава её народа тянулась на много дней пути, когда лесные города соединяли едва приметные тропки, по которым двигались караваны, когда никто и слыхом не слыхивал о дремавшей на Дальнем Юге беде...

Так длилось до мига, пока связь не оборвалась.

Это было точно удар огненным хлыстом. Агата скорчилась и закулила, точно побитая собачонка. Кошмар окружающего мира навалился тяжким, невыносимым бременем. Не было никакой державы Дану, жалкие остатки некогда великого народа доживали свой век, попрятавшись в самых дальних, глухих уголках Бросовых земель. А сама она, с рабским ошейником на горле, выполняла безумный приказ безумного мага безумной хумансовой расы...

Внезапно, резко и зло взвыл ветер. Струи Ливня с новой силой хлестнули по возведённой магами Арка защите: разбиваясь, как о стекло, они желтоватыми потоками сбегали вниз. Деревья испуганно пригнулись. Вся собранная Агатой сила исчезла мигом подобно подхваченному ветром прелому листу.

Она знала! Она знала!..

И потому ничуть не удивилась, заметив появившуюся среди стволов громадную фигуру Хозяина Ливня.

* * *

И снова я, заточённый в подземельях храма Хладного Пламени, продолжаю свои хроники. То, что творилось сейчас во всем Северном Море, я могу назвать не иначе как кошмаром. Все надёжные, многожды проверенные скрепы рвутся. Давным-давно установленное и устроенное изменяется, обращаясь в полную свою противоположность.

Козлоногая тварь из Тьмы внезапно обнаружилась там, где я меньше всего её ожидал, под Хребтом Скелетов, и притом на пути у очень милой компании, которой мне уже довелось помочь, когда они только прорывались ко входу в гномьи шахты. Дорогу туда мне открыло отчаяние девушки – Тави. Я воочию, несмотря на бушующий Смертный Ливень, увидел и чёрный зев подземного зала, и искажённую дробящей душу яростью морду козлоногого, и даже трепет слезинки в уголке глаза Тави.

За козлоногой тварью крылась такая Сила, что даже я отступил, невольно прикрывая глаза ладонью. Мне показалось, что эта Сила – сила Тьмы... Однако почти мгновенно я понял, что ошибаюсь. Тьма была всего лишь одной из магических субстанций нашего мира, а скорбный собственный опыт уже давно отучил меня с предубеждением относиться к ярлыкам и названиям. Пусть даже громким и страшным.

Тьма... нет, что-то иное стояло за этим созданием, пусть даже и облачённым в тёмное. В последний миг мне удалось отвести удар и спасти девочку, но, похоже, её спутника постигла печальная участь. И теперь мне остается только попытаться отыскать её в лаби-

ринте гномьих тоннелей, отыскать и вытащить на поверхность, только её одну, потому что третий их спутник, гном, бесследно исчез. Он не погиб, он просто скрылся где-то в недрах Хребта Скелетов, в паутине подземных ходов, которые, конечно же, знал куда лучше, чем люди знают пять своих пальцев.

Узел тайны затянулся до последнего предела. И было от чего впасть в отчаяние – даже мне. Я не смог удержать сцепившиеся друг другу в глотку силы. Чудовищное возмущение магических потоков закрыло от меня имперскую столицу, Мельин. Я больше не мог видеть, что там творится, и готовился к худшему.

Только теперь становится до конца понятной наложенная на меня кара. Чувствовать, знать или хотя бы догадываться – и не мочь ничего изменить, бездейтельно ждать, выплескивая всё наболевшее на пожелтевшие страницы летописи – короткими, кинжальными строками хроник.

И ещё – ждать, пока горе, ужас, отчаяние или даже смертные муки кого-то из бродящих по земле малых сих, на которых остановился мой взор, не позволят мне вырваться из каменной кельи, что глубоко, глубоко под фундаментами хвалинского храма Хладного Пламени...

* * *

Сидри шел, блаженно улыбаясь собственным мыслям. Дело сделано! Дело сделано! Он уже ясно видел благоговейные физиономии членов Каменного Престола, когда он, Сидри Дромаронг, внесет в потайной покой величайшее сокровище своей расы!..

«Ну а волшебница и воин... что ж делать. – Сидри не сожалел о погибших спутниках. – Чародейство не ошиблось, они столкнулись с такой мощью, что ни Тави, ни даже десятку таких, как она, было б не под силу справиться с этим врагом. Они знали, на что шли, они – наёмники Каменного Престола, и твоя помощь, Сидри, их бы всё равно не спасла. Ты просто погиб бы рядом с ними, и всё. Погиб, не добравшись до заветной друзы. Так какой смысл геройствовать? Что? Честь? Твоя, Сидри, честь – ничто по сравнению с жизнью Подгорного Племена. Если Каменный Престол требует, чтобы ты пожертвовал своей честью, – что ж, ты сделаешь это. Тем более что невелик и грех – Тави была хумансом, их гномы ненавидели, пожалуй, даже сильнее, чем эльфов и Дану. А Вольные... Вольные – предатели, в своё время они отказались помочь Подгорному Племеню в их войне с людьми... так что совесть пусть замолчит и здесь. Двумя опасными врагами стало меньше – успокойся, Сидри, по всем канонам, ты совершил доброе дело. Теперь остались сущие пустяки – выбраться наружу. Точнее – выбраться достаточно высоко, чтобы никакие крысы или иные чудища не потревожили тебя. И там, в заранее обусловленном, другими посланцами Каменного Престола подготовленном месте, ты спокойно дождёшься окончания Смертного Ливня.

Всё хорошо, Сидри. Всё хорошо, ты понял это? Забудь о Вольном и Тави. Забудь навсегда. Когда оружие ломается, ты либо чинишь его, либо делаешь новое. Это оружие тебе уже не починить, так что забудь о нем. Думай о награде, ожидающей тебя по возвращении... или, ещё лучше, о том, как армии твоего народа, неся позади своих рядов Драгнир, заключённый в несокрушимый каменный ковчег, ломают и опрокидывают людские рати, как оцетинившийся копытами хирд давит остатки имперских легионов у стен Мельина и как потом они, гномы, диктуют всем остальным, как будет теперь устроена жизнь на отвоёванных у хумансов землях Северного Мира».

Ему повезло. Можно сказать, невероятно повезло, потому что магия Драгнира, ничуть не ослабевшая за века вынужденного заточения, показала ему тщательно замаскированную – даже от зоркого взора гнома – потайную дверь. И теперь Сидри поднимался совсем иным путем, нежели тот, которым он вёл своих спутников вниз. Все правильно. Из любого тай-

ного места гномы всегда вели несколько коридоров. И потому сейчас на его пути не встречалось и десятой доли того, что довелось им испытать, пока они пробивались вниз. Вот только крысы... Иногда гному казалось, что он чувствует их запах, кислый, чем-то схожий с запахом Смертного Ливня. И тогда он с замирающим сердцем клал руку на гладкий эфес Драгнира, чувствуя, как чудо-меч оживает в ответ на его прикосновение, готовый к немедленной схватке, истосковавшийся по крови и жизням врагов...

Но угроза всякий раз обходила его стороной.

Ещё Сидри несколько заботил убитый сдвинувшимися камнями священник. Гном достаточно разбирался в магии, чтобы понять – это *смерть вторичная*, безвозвратная, смерть не только тела, но и души. А может, даже и не смерть, а что-то ещё хуже смерти. Хотя что может оказаться хуже смерти, практичный и расчётливый гном представить себе не мог. Смерть же вторичная слыла такой штукой, с которой не следует шутить даже самым искусным магам. Кто знает, во что перевоплотится погибшая душа, в какое страшилище? Всё о прошлой жизни, конечно, забудется (потому-то это и зовётся смертью), останется лишь неутолимая, вечная жажда мести всему живому. Поговаривали, что такие бестии способны были отыскать обидчиков где угодно, даже за гранью смерти обычной.

Впрочем, гномы не такой народ, чтобы их легко можно было испугать призраками. Когда тревога становилась до неприличия сильной, Сидри лишь покрепче стискивал гладкий, холодный эфес Алмазного Меча.

Он шёл длинными извивами винтовых лестниц. Шёл в полной тьме, на ощупь; факелы ему заменяло дивно обостренное Драгниром чутьё.

Путь вверх оказался куда как длинен. Тайная дорога потому и была тайной, что вела в обход всех сколько-нибудь крупных залов, мастерских и копей.

Сидри шагал и дивился. Быть может, сумей он раньше отыскать вход в эту галерею, им бы не пришлось пробиваться вниз силой, с такими трудами и потерями. Но... тогда тайна стала бы известна и его спутникам. Быть может, он, Сидри, ещё мог бы положиться на слово Вольного – но вот Каменный Престол не положился бы никогда. Тем более они никогда бы не потерпели проникновения в тайну Алмазного Меча девушки-волшебницы. Дитя человеческой расы не смеет касаться гномьих святынь. А то она... с её-то проницательностью... могла и догадаться кое о чём. Например – хотя бы приблизительно! – о том, что есть Драгнир и на что способна заключённая в нём мощь.

Нет, Тави должна была погибнуть. И унести с собой всё, что знала. А кроме того, сэкономить Каменному Престолу изрядную сумму денег – из тех, что пришлось бы выплачивать ей по завершении миссии. А кому, как не Сидри, было знать, каким трудом достаются гномам тяжёлые золотые кругляшки имперской чеканки! Согнанные со всех мало-мальски крупных золотых приисков, лишённые доступа к жилам, гномы вынуждены были пробавляться самыми бедными рудами, которыми раньше побрезговали бы даже алчный гoblin или кобольд. Но и в этом случае Каменный Престол, по крупицам копя золото, не осмеливался подделывать монеты Империи. Разумеется, подземным мастерам ничего не стоило бы воссоздать форму, причём так, чтобы даже на монетном дворе ничего бы не заподозрили... но их несравненное искусство ничего не могло сделать против магии Радуги. Волшебники Семицветья пристально следили за полновесностью ходившей в их владениях монеты, и ещё каким-то образом они всегда знали, где она отчеканена. Трупы фальшивомонетчиков, болтавшиеся на косых крестах возле самых оживлённых перекрёстков неподалёку от Мельина, были куда как красноречивы.

Всё золото гномам шло от торговли. А уже имперские купцы, разумеется, всегда брали товары подземных обитателей по дешёвке. Даже полудрагоценные камни, милостиво оставленные «на поживу» гномам. Что же говорить о железных крицах или полуобработанных заготовках! Разумеется, о том, чтобы ковать на продажу *оружие*, и речи быть не могло.

Ну что ж, значит, он, Сидри, сделал вдвойне доброе дело. Сколько пришлось надрыться его соплеменникам, чтобы добыть те самые золотые имперские кругляши, которыми Тави и Кан-Торог надеялись получить свою плату! Сколько пролито было пота, сколько пришлось перелопатить бедной, полупустой руды, сколько пережечь угля, чтобы в конце концов казна Каменного Престола стала хоть сколько-нибудь полнее! Сидри без преувеличения считал, что выпускать из рук просто так хоть одну доставшуюся таким трудом монетку – не что иное, как преступление.

Он поднимался молча, лишь изредка позволяя себе краткий отдых. Гномы могут подолгу обходиться без пищи, правда, возмещая сие неумеренным обжорством, как только представляется возможность. Потом, когда кончится Ливень, он выберется наружу. У него окажется фора в несколько дней, пока добытки из Хвалина и даже пережидающие Ливень в Главном Чертоге гномьего королевства наконец рискнут высунуть носы из своих убежищ.

Всё хорошо, Сидри...

Галерея закончилась крошечной квадратной камерой – тупиком. Гном засветил один из немногих оставшихся у него факелов, несколько мгновений осматривал её, сосредоточенно посвистывая, а затем нажал на едва заметный выступ, притаившийся в дальнем углу как раз на высоте его, Сидри, глаз.

Послышался глухой скрежет. Несмотря на прошедшие годы, сооружённый гномами механизм работал безупречно. Плиты одной из стен начали расходиться; гном поспешил нажать на скрытый рычаг вторично, боясь пустить внутрь капли Смертного Ливня. Каменные ставни послушно сомкнулись.

Натёкшую лужицу ядовито-желтой жижи гном долго и тщательно забрасывал каменной крошкой. Ему вновь повезло – галерея открывалась в один из древних наблюдательных пунктов, разбросанных по южным склонам Хребта Скелетов. Теперь оставалось только спуститься вниз – не по лестнице, а по скале.

Как только кончится Ливень.

* * *

Бешеный бег сквозь тьму. Ноги сами несли Тави, несли неведомо куда, повинуюсь только одному приказу – вперёд и вверх. Горы послушно раскрыли перед ней свое чрево, она мчалась по запутанным тоннелям, не думая, не запоминая дороги, влекомая одной лишь мыслью – подальше от явившегося из мрака чудовища.

...Остановилась она, лишь когда совсем выбилась из сил. Мрак навалился со всех сторон удушающей массой, и только сейчас Тави поняла, что всё время, пока бежала, она оставалась в абсолютной, непроглядной тьме без малейшего проблеска света. И при том каким-то чудом умудрилась ни разу не споткнуться и ни на что не налететь. Сейчас, когда унималось бешеное биение сердца, она уже могла припомнить – вся паутина тоннелей предстала ей в каком-то неярком сером свете, угасшем, как только она остановилась. Кажется, сейчас она на какой-то развилке... Девушка ощупью добралась до стены, села. Зверски хотелось пить, пришлось свернуть голову сберегавшейся на чёрный день фляжке.

Вода тяжёлыми глотками катилась вниз по горлу. Тави усилием воли сдержала готовый вот-вот прорваться панический страх – она одна, заблудившаяся во тьме неведомых переходов, где и сами гномы не ходили без света, что она станет теперь делать, на самом краю неотвратимой гибели?

«Ты волшебница, моя дорогая. Ну так и поступай соответственно».

Заплечный мешок был цел, на месте оказалось и оружие (хотя, когда ТАК улепётываешь, во все лопатки, не диво остаться и без штанов); самое же главное – глубоко внутри тлела негаснущая искорка магии, то, что дает жизни волшебника и цель, и смысл.

«Ну-ка, хватит сидеть, – прикрикнула на себя Тави. – За работу, подруга! Надо... надо отыскать... Кан-Торога...»

Каждое последующее слово давалось всё тяжелее и тяжелее. Неужели ей придётся вновь спускаться вниз, туда, где её, наверное, уже поджидает козлоногий?.. При одной мысли об этом сделалось дурно. И хотя Тави тотчас же обозвала себя всеми мыслимыми и немыслимыми словами, помогло это слабо.

«Трусиха! Ничтожество! Дрянь!»

Однако коленки всё равно дрожали. Мощь магии козлоногого явно на голову превосходила силы Тави; открытого боя ей не выдержать. Если б не та невеста откуда пришедшая помощь, она бы уже была мертва... точнее, хуже, чем мертва.

Но бросить Кана непогребённым – значило оскорбить, губительно унижить не только погибшего друга, но и всю расу Вольных, принявших в своё время Тави, учивших её, кормивших и защищавших. Человек по крови, Вольная по духу – и до конца дней своих ей пребывать в этой мучительной раздвоенности.

Конечно, будь на её месте Кан-Торог, он не колебался бы ни секунды, призналась себе волшебница. Не думая об опасности, он пошёл бы искать её тело – чтобы похоронить так, как положено, или погибнуть.

И не важно, что при этом он сам наверняка бы погиб. Вольные очень плохо умеют отступать.

И куда, во имя всего святого, делся Сидри? Гном всё время держался рядом с ней, а потом как-то разом, внезапно, исчез. Козлоногий что-то говорил об этом... но мог запросто и соврать. Сидри не праздновал труса, он дрался наравне со всеми и не показывал спины... едва ли его так просто испугала горящая тьма, принявшая облик исполинского пещерного дракона.

Значит, надо отыскать ещё и гнома. Тави тяжело вздохнула, нащупала мешок и потянула за тесьму.

Не всегда новые способы лучше старых. После того как дедовская предметная магия несколько раз сработала там, где спасовало волшебство куда более современных систем, Тави отчего-то больше доверяла сейчас засушенным корешкам и мышинным лапкам, чем сосредоточению, концентрации и *визуализации*, как говаривали маги Радуги.

Потратив самую малость Силы, чтобы засветить отщеплённую от факела лучинку, девушка принялась раскладывать на полу запасенные ингредиенты.

Потом пришлось долго и нудно вычерчивать концентрирующую пентаграмму. Пыхтя, Тави вымеряла углы – горе тому волшебнику, у кого линия хоть на волос отклонится от *истинного* положения, того единственного, в котором уравниваются магические потоки!

...А тут ещё вдобавок – неровный пол, выбоины, трещины и тому подобные сюрпризы. Решение задач «на неровности» относилось к числу наименее любимых Тави занятий. Больше, чем их, она не могла терпеть только благотворительность.

Когда она, вся взмокнув, наконец обессиленно привалилась к стене, в глазах у неё всё плыло от напряжения, ныла перенатруженная спина. Зато пентаграмма – восхитительная, несравненная пентаграмма, учитывая условия, в каких пришлось её чертить! – была готова, и чашечки с ароматическими смолами стояли в остриях лучей, и специально подобранные композиции корней и камней – в основаниях, и аккуратно расщеплённые надвое свечи – на главных пересечениях, Наставник мог бы ею гордиться.

Теперь дело за малым – отыскать козлоногого. И Сидри. И... мёртвого Кана. Если чудище уже убралось из того зала, где разыгралась схватка, Тави спокойно спустится.

Без кремня и огнива, сами собой, затеплились свечи. Мягкие огненные язычки скользили по сложенным в чашки благовониям. Весь этот обряд был, кстати, отнюдь не шаман-

ством, не подделкой или подпоркой для начинающих колдунов, ещё не умеющих сосредоточиться в должной степени. Тави чувствовала, как вся эта, на первый взгляд такая нелепая, бутафория и в самом деле *цепляется* за какие-то неведомые, глубинные ответвления потоков магических Сил; цепляется, тащит их на поверхность, заставляет повиноваться беззвучным приказам легионы странных, обитающих в толще скал неразумных существ; и как эти легионы, подстёгиваемые невидимыми бичами, послушно приходят в движение, растекаясь по истощённым рудным жилам, скользя по едва-едва заметным, тончайшим водным ниточкам, пронизывающим скалы; спешат, торопятся, бегут, выполняя пока ещё не её, Тави, приказы, но повеление заключённых в пентаграмме куда более могущественных сил. При попытках проникнуть глубже в суть этих иерархий Тави почти мгновенно становилось дурно. Она не понимала, почему столь примитивные приёмы неожиданно оказываются на удивление действенными, почему предметная магия, магия пришепётываний и заговоров, бессмысленных обрядов и ещё более бессмысленных ритуалов сплошь и рядом оказывается сильнее магии утончённой, магии мысленной, опирающейся лишь на дар и способности самого волшебника...

Тем не менее древнее заклинание Поиска под Твердью сработало на славу. Тави почувствовала одного из своих спутников. И, увы, Кан-Торог был мертвее окружающего девушку камня. Опалённое подземным огнём тело так и осталось лежать возле стены огромного зала, где Вольный принял свой последний бой.

А Сидри? Где он? Перед мысленным взором Тави огненно-алым светом пылала обнажившаяся на краткое время сеть тоннелей, залов и переходов; гнома нигде не было. Ни его самого, ни его тела. Он исчез, исчез бесследно, как будто сама Тьма поглотила его, обратив в часть себя.

Козлоногого, кстати, тоже нигде не было видно. Громадный зал, где разыгралась трагедия, оставался пуст. Сейчас Тави видела его весь, от края до края – ничего необычного. Тьма куда-то попряталась, Псы скрылись, и нигде ни малейших признаков того Тёмного Стража, с которым они сражались.

Только одинокое тело Кан-Торога. И зажатый в руке Вольного меч.

Тави тяжело вздохнула. Похоже, их предприятие закончилось полным провалом. Кан убит, Сидри сгинул бесследно – наверное, утащен слугами козлоногого... ведь, даже испугавшись он и сбеги, Тави увидела бы его след.

Нет, об их миссии пора забыть. И думать о том, как выбраться отсюда самой. И как рассказать обо всём Кругу Капитанов.

Но прежде всего следует похоронить Кана.

Тави вновь вздохнула и погасила заветье. Надо идти вниз. Дорогу она отыщет – волшебница она в конце концов или нет?

* * *

Патриарх Хеон мог быть доволен. Снадобье Ланцетника действовало надёжно. Можно сказать, било наповал, лишая силы даже самые мощные заветья Радуги. Пращники из личной охраны Патриарха забросали башню магов тлеющими свёртками с искусно составленной смесью множества трав – дым напрочь отбивал у волшебников способность колдовать. А потом искусно разогревший толпу Марик взял башню приступом. Разумеется, первыми пробившимися внутрь (но отнюдь не polegшими в рукопашных схватках с ошалевшими от всего случившегося защитниками) были не уличные оборванцы – тем достались пленницы, – а люди Патриарха. Очень быстро и решительно наложившие лапу как на денежный ящик магов, так и на весь арсенал волшебных средств. Ланцетник и его помощник гном не теряли

времени даром, торопясь выпотрошить захваченную башню. Все отлично понимали, что маги очень, очень скоро опомнятся.

Посыльные меж тем приносили все сплошь хорошие вести. Император поднял три когорты, очистил придворные миссии Орден и сейчас двигался к их подворьям. Одна когорта – Аврамия – идёт на помощь сюда, в Чёрный Город. Волшебники, похоже, растерялись и не знают, что делать. За секрет противодействия их чарам Патриарх в своё время заплатил Ланцетнику столько золота, сколько тот смог унести, а унести он смог поистине немало, несмотря на свою выдающуюся худобу. Правда, львиную долю добычи Ланцетник потом оставил в руках ловких шулеров, работавших на Хеона, так что, если не считать некоторого гонорара карточным виртуозам, потери свои Патриарх возместил. Впрочем, окажись Ланцетник хоть самым святым Дунстаном, презиравшим все людские пороки, и не вернись к Хеону и малой толики потраченного золота, он бы ни о чём не жалел. Потому что не признанный той же Радугой лекарь, травник, алхимик, оружейник и самую малость маг, хотя, само собой, без патента, Ланцетник сумел-таки отыскать такое сочетание самых на первый взгляд безобидных растений, дым которых обладал способностью парализовать саму способность магов творить чары, вызывая у них жесточайшие приступы болезненного кашля. Изобретение Ланцетника было с успехом испытано – сперва на ведьмах или иных хоть немного владевших магией и приговорённых к смерти самой же Радугой.

И вот настал звёздный час...

Под землёй было сухо и чисто. Патриарх заранее позаботился о том, откуда он станет командовать атакой. Как, впрочем, и о том, куда он отступит в том случае, если атака окажется неудачной.

В этом и состояло его отличие от Императора. Императору отступать было некуда.

– Что с башней Флавиза? – отрывисто спросил Патриарх.

– Окружена-с, сейчас задымляют-с, ваше патриаршество.

– Экселенц! – Бесцеремонно расталкивая сгрудившихся вокруг Патриарха, к нему пробирался Ланцетник. – Экселенц! Мы нашли... в общем... талисман, очень мощный, позволяющий...

– Короче, мэтр Ланцетник, – поморщился Патриарх.

– Радуга оправилась от неожиданности и сейчас перейдёт в контратаку, – упавшим голосом сообщил алхимик.

– Почему ты так уверен? – с каменным лицом спросил Патриарх, игнорируя явный испуг на лицах его людей.

– Амулет... талисман... он... позволяет оценить...

– Короче, подсказал талисман. – Хеон оборвал мэтра. – Ты уверен, что это...

– Уверен, экселенц, – прокрипел Ланцетник. – Надо как можно скорее...

– Это ясно и так. – Патриарх начал отдавать приказы: – Рассыпаться. Пусть магия Радуги жжёт тупых мужланов, что полезли сейчас с вилами и топорами на ночные улицы Мельина. Переждать. Но башню Флавиза...

– Туда-то они и ударят в первую очередь, – сухо скрипнул Ланцетник. – Туда вот-вот ворвутся...

Патриарх и глазом не моргнул.

– Фихте! Подкрепление к башне Флавиза. Пусть пока не вмешиваются и держатся в тени. Отправь два полных тагата.

– Но, экселенц... – не выдержал Ланцетник.

– Тебе, кстати, лучше тоже отправиться туда, – обернулся Патриарх. – Двинемся сразу после их удара.

Ланцетник прикусил язык и как-то бочком-бочком заковылял прочь. Приказы Патриарха Хеона не обсуждались и не повторялись.

– Атакуем башню Лив! – доложил очередной гонец. Дождался патриаршего кивка и тотчас умчался прочь.

– Что-то Император задерживается... – задумчиво проговорил Хеон как раз в тот миг, когда и пол, и стены, и потолок заходили ходуном, а воздух отчего-то наполнился горьким запахом – пережжённого пепла, как выразился служка Фихте.

Люди вокруг Патриарха замерли. О, ни один из них не был трусом, но сейчас Хеон ощутил, как над всеми ними начинают расправляться совиные крылья Страха.

Слишком уж могущественна Радуга. И слишком уж неудобно то оружие, с которым они вышли против Орденов Семицветья.

– Что, оробели? – спокойно, не повышая голоса, сказал Патриарх. – Намочили штаны? Сейчас побежим сдаваться и просить прощения? Фихте! Давай гони своих бездельников! Я должен знать, что там случилось...

* * *

Аврамий всё сделал правильно. Ему в отличие от того же гнома – помощника Ланцетника – не требовалось копить обиды на магов. В любой Империи есть люди, превыше всего – и даже собственной жизни – ставящие так называемое благо государства, разумеется, так, как они его сами понимают. Под благом Империи легат понимал безусловное повиновение Императору и всяческое укрепление его, Императора, власти. Так решили боги, так решил Спаситель. Значит, так будет лучше и для людей. А когда на Империи, как пиявки, висят маги... то чем скорее они уйдут, тем лучше.

Радугу Аврамий знал не понаслышке. Его родная сестра была волшебницей Ордена Лив. И семья ничего не слыхала о ней вот уже семь лет – с того момента, как четырнадцатилетняя девочка-подросток без колебаний переступила порог башни магов в Мельине.

Когорта шла неплохо. Легат служил не так долго, однако все старые воинские хитрости знал назубок. В городе достаточно более-менее безопасных крысиных нор, где можно отсидеться. Центурионы не станут спешить выдавать беглецов, если дело, по их мнению, грязное. Однако сейчас манипулы шли ходко и ровно, не нарушая строя, длинной железной змеей, протянувшейся по улицам замершего от ужаса города.

И никто не пытался улизнуть от отработки своего легионерского жалованья.

Белый Город остался позади. Впереди – Кожевенные ворота и за ними – город Чёрный. Там, где сейчас вот-вот начнётся настоящее дело.

Кожевенные ворота... Слишком узки. Стары и слишком узки. Манипулам придется перестраиваться на ходу. Затор. Потеря времени...

Когорта Аврамия не зря набиралась из мельинских уроженцев. И потому никто не удивился его команде:

– Через стену! На крюках!

Отчего-то легату очень не хотелось протискивать свою когорту, все восемьсот мечей, через узкое игольное ушко старых ворот. Стража от них уже ушла, но тяжеленные створки были наглухо закрыты. Засов – настоящее бревно – задвинут до отказа.

– Открывайте! – бросил легат.

Его когорта уже разворачивалась вправо и влево от ворот. Легионерские сапоги ступали по плоским крышам, во множестве летели забрасываемые за края бойниц крюки с длинными верёвками; десятки людей уже лезли вверх.

Несколько воинов рысью подбежали к воротам. Засов медленно двинулся в сторону.

Легат Аврамий отчего-то с тревогой взглянул на вечернее небо – по-осеннему тёмное и недоброе. И – отошёл подальше от Кожевенных ворот.

В следующий миг Радуга показала, что слухи о её растерянности и неспособности контратаковать, мягко говоря, преувеличены.

Аврамий видел, как это было. Видел, как облака внезапно набрякли алой сияющей каплей. Как эта капля потянулась вдруг вниз, как стремительно истончилась огненная нить, ещё удерживавшая страшный подарок магов высоко над землёй, и как наконец эта нить не выдержала и огненная капля сорвалась.

Земля встала на дыбы. Жидкий огонь плеснул во все стороны, и всё, к чему он прикасался, тоже обращалось в огонь. А там, куда упала капля, там, где только что были Кожевенные ворота и прилегавшая к ним небольшая площадь (вместе с парой-тройкой домов), там сейчас кипел котёл чистого белого пламени. В небе же, размётывая тучи, стремительно рос чёрно-алый огненный гриб, плюющийся короткими молниями, разбрасывающий вокруг себя десятки и сотни таких же капель, что и породившая его самого, только поменьше...

От десятка легионеров не осталось ничего, даже пепла.

Аврамий с трудом приподнялся на локте. Дорогу преграждал костёр – костёр, в котором пищей пламени служил сам камень. Горели скелеты привратных башен, горели остовы соседних домов, по несчастью возведённых слишком близко; пылала мостовая, расплавленная алая масса мало-помалу проваливалась всё глубже и глубже, словно огонь, раз получив пищу, и не думал успокаиваться. С шипением и треском полыхала стена – точно деревянная, а не из крепчайшего камня. Однако легионеры как ни в чём не бывало продолжали лезть через неё.

Аврамий дал знак сигнальщикам. Пусть разверзнутся небо и земля, пусть облака запыхают огнём, когорта должна услышать знакомый приказ: «Рассыпья и жди!»

Удостоив пожар не более чем парой взглядов, легат махнул окружавшим его охране и сигнальщикам. Время идти за стену и им. Когорта ждёт.

А маги хоть и сильны, но тоже промахиваются.

«Будем надеяться, что этот промах не останется единственным», – подумал легат, отпуская верёвку по другую сторону стены.

* * *

Оставаться в стороне, когда его воины штурмуют подворье Лива, Император не мог и не хотел. Вычурные доспехи с гербом державы – разъярённым василиском – были выкованы гномами. Император сам испытывал нагрудник. Пущенное со всей силы копье сломалось, а на блестящей поверхности металла не осталось даже царапины. Давно, очень давно были сотворены эти доспехи... в те годы, когда люди и гномы помирились на время.

Когда вместе сражались против эльфов и Дану.

На высокой арочной галерее внезапно появилась облачённая в голубое женская фигура. Император едва успел вскинуть руку, останавливая мигом нацелившихся в волшебницу арбалетчиков.

Он угадал – чародейка высоко подняла не отягощённые оружием руки в знак того, что хочет говорить. Понятно, что маги не нуждались в мечях и стрелах; однако повернутые к врагам открытые ладони всегда означали только одно – знак мира, предложение переговоров.

– Что произошло, повелитель?! – с неподдельным отчаянием в голосе выкрикнула волшебница. – Зачем это безумие? Почему ты убиваешь нас? Что мы тебе сделали?..

Чёрный камень в перстне Императора потеплел, как и всегда, если рядом начинала твориться какая-то волшба.

Сулле, второму легату и командиру манипулы арбалетчиков, достаточно было одного едва заметного кивка головы повелителя.

Воздух на миг потемнел и сгустился от стрел.

А перед облачённой в голубой плащ чародейкой засветился жемчужно-серый овал призрачного щита. Слишком мало времени оставалось у неё на более изощрённое заклятие.

Тяжёлые железные дроты, что насквозь прошивали всадника в полном защитном вооружении, бессильно отскакивали от новосотворённой преграды.

– Это твоё последнее слово, Император? – донеслось с высокой галереи. – Тогда да узришь ты гнев...

Император вскинул руку. Впереди уже нарастал рёв хлынувших внутрь подворья легионеров; у Голубой волшебницы оставалось совсем мало времени на достойный ответ, и Император надеялся, что его чёрный камень в состоянии хотя бы ненадолго отвлечь чародейку.

Теплота камня означала творение чар. И сейчас эта теплота поднималась от перстня вверх по руке. Камень – и заключённое в нём существо – готовились исполнить приказ. Подарок самой Радуги обращался против неё. Пусть это далеко не самый сильный амулет, не самый сильный талисман, но в течение многих столетий он верой и правдой служил повелителям Империи, он помнил каждое биение сердца каждого из Императоров, он знал вкус их крови, что, случалось, лилась на него из ран; и нынешний владелец перстня верил, что всё это не могло пройти бесследно.

Вокруг вытянутой руки Императора стремительно сгушалось багряное облако. Всё, о чем он мог сейчас мечтать, – это если не рассеять, то хотя бы растянуть прикрывавший волшебницу щит.

Силы камня пришли в движение; они видели цель и сами знали, что делать.

Десятки и сотни крошечных крылатых существ, состоящих из одних лишь кожистых крыльев и жилистых лап с громадными когтями, что призваны были для одной-единственной цели, с истошным воем рванулись в атаку. Им было отпущено совсем немного времени, вся жизнь их длилась несколько мгновений – долететь до щита волшебницы... и всё.

Могучие силы, вызвавшие эти существа к жизни, давшие им на мгновение новые тела, вновь свёртывались тугими глобулами, уходя внутрь чёрного камня.

По руке Императора струилась кровь, обильно сочаась прямо из пор. «Камень ничего и никогда не делает даром, если только не спасая жизнь своего господина – или, может, просто того, кому он разрешает носить себя?» – вдруг подумалось Императору.

Повелитель повернулся к Сулле, но командир арбалетчиков уже всё сделал сам. Имперские стрелки умели перезаряжать своё страшное оружие за считанные мгновения, с невообразимой быстротой лова прицел.

Пёстрая туча вызванных камнем существ уже вцепилась в края сотворенного волшебницей щита.

– Прочь! Прочь, вы!.. – услышал Император отчаянный вскрик девушки.

Слишком поздно.

Крылатые твари горели и корчились в мгновенно брошенном чародейкой огненном шлейфе, но свое дело они сделали. На краткий миг, но они растянули, разорвали несокрушимую, казалось бы, преграду, открыв дорогу второму залпу арбалетчиков Суллы.

На сей раз имперские стрелки не промахнулись.

Огонь ничего не мог сделать с железными дротами. Растянутый, с прорехами щит тем не менее отразил почти все стрелы – за исключением двух. Одна вошла в щеку волшебницы, пробив навылет голову, другая впилась под левую грудь.

Маги Семицветья живучи. Могучие чары не раз и не два спасали даже самых тяжело-раненых. И, наверное, будь стрела лишь одна, волшебница Лива сумела бы спасти себя.

Но на два смертельных ранения её не хватило.

Арбалетные стрелы отбросили девушку к дальней стене галереи – такова была сила удара. Голубое, ещё не успевшее пропитаться кровью платье исчезло за изломом парапета.

Когорта отозвалась восторженным рёвом.

Легионы Империи умели брать приступом любые крепости. Вот и сейчас – не прошло и мгновения, а вверх уже летели канаты с крюками и самые отчаянные уже карабкались по ним, точно обезьяны в южных лесах.

Однако здесь не было мэтра Ланцетника с его травами. Гибель одной магички ещё не означала поражения остальных.

Император скомандовал общую атаку. Скорее, скорее, пока остальные не оправились от потрясения, пока не выстроили новую защиту; он понимал, что использовать чёрный камень вторично уже не сможет.

Резервные манипулы двинулись на приступ.

Глава вторая

– Будь я проклята! – громко сказала Клара Хюммель сама себе. – Пусть я достанусь на потеху оркам, если я хоть что-нибудь понимаю! Она стояла возле южных, Морских ворот Мельина. Широкий, вымощенный брусчаткой Тракт вел на полдень, к недалекому морю, вел по высокому речному прилугу. Внизу теснились пристани – многие купцы предпочитали сами подниматься вверх по течению, продавая свои товары в Мельине, где цены традиционно держались выше, чем в приморских городах юга.

Насколько Клара могла припомнить, ночной Мельин никогда не отличался спокойствием и умиротворённостью. И хотя волшебница редко бывала здесь, о катакомбах, вполне пригодных для развлечения боевого мага её ранга, она, конечно же, слышала. Как и о веселых кварталах Чёрного Города, куда, случалось, заглядывали даже её товарищи по Гильдии.

Однако такого фейерверка она, конечно же, не ожидала.

Всё вокруг было залито мрачным алым светом, трепещущим, словно в неистовой пляске смерти. Зарево над городскими кварталами поднялось до самых звёзд, заставляя стыдливо померкнуть ночные светила. Доносились тяжкие удары, словно исполинский молот раз за разом бухал о землю. То и дело вверх взмывали языки ярко-жёлтого пламени, рассыпающиеся среди чёрных дымных облаков тучами подвижных, весёлых искр.

И та незримая для простых смертных среда – таинственный воздух магов – прямо-таки дрожала и звенела от мощи пошедших в ход заклятий.

– Если все это устроил ты, мой мальчик, то, право же, тебя надо приволочь в Академию хоть на аркане, – пробормотала Клара себе под нос.

Волшебница постояла возле наглухо запертых ворот ещё некоторое время, размышляя. Судя по всему, выследить мальчишку в Мельине с помощью магии сейчас не удастся. Клара Хюммель была крайне невысокого мнения о чародеях Радуги, но при том безумии, что творилось сейчас в городе, при таком возмущении всех магических потоков нечего было и думать отыскать тончайший эфирный след беглеца.

Клара витиевато выругалась. Её проклятие заставило бы покраснеть даже городского орка, поелику в нём упоминались все без исключения родственники неназванной персоны до двенадцатого колена и перечислялись разнообразные способы интимных отношений между ними. Отношения эти отличались известной экзотичностью, причем зоофилия была, пожалуй, самым невинным извращением из всех.

Облегчив таким образом душу, Клара подошла к воротам. Стража сбежала – волшебница не чувствовала поблизости ни одного живого существа.

– Хотела б я знать, с кем они тут дерутся, – сообщила чародейка запертым дубовым створкам. Те сочувственно промолчали.

Как всякий боевой маг высшего класса, Клара Хюммель умела летать – хотя прибегала к этому крайне редко. Заклятье левитации требовало огромных сил, вызывая вдобавок после этого дикие головные боли и тошноту, точно при беременности. Но сейчас, похоже, без этого было не обойтись – разносить ворота вдребезги волшебница не хотела, а карабкаться по верёвкам считала несолидным. Лучше уж пусть поболит голова, чем она унижится сама перед собой.

Она потратила довольно много времени, сплетая сложное, изощрённое заклинание, однако пускать его в ход отчего-то не спешила. То самое шестое чувство, которым так часто обладают маги, всегда слыло Клариной сильной стороной. И сейчас что-то подсказывало ей – жди здесь. Не уходи. Жди.

Своего внутреннего голоса Клара старалась слушаться. За долгую – для боевого мага в особенности – жизнь себе она научилась доверять.

Она ждала, стараясь не обращать внимания на полыхающее зарево.
До утра было ещё далеко.

* * *

На окровавленную, но ещё живую и дергающуюся руку-лапу козлоногого чудища с торчащим обломком кости было страшно даже смотреть, не то что касаться. Фесс не обольщался – такие твари наверняка очень живучи, куда как живучее людей или даже магов; воин Серой Лиги не удивился бы, узнав, что вместо оторванной козлоногий уже заимел новую конечность.

Он стоял в неприметном тупичке возле пересечения Дровосечной и Углежогной улиц. Эти места Чёрного Города Фесс знал более чем хорошо. Обычно здесь было тихо. Лихой народ сюда захаживал редко – многим ли разживёшься у бедняков?

Однако сегодня была такая ночь, что переворачивает всё на свете. Изумленный Фесс увидел взбудораженных мужчин с кольями и топорами в руках; увидел женщин, похватавших домашние резак и прикрутивших их верёвками на манер наконечников копий к длинным ручкам от мётел; увидел детей, подростков с пращами, шмыгающих под ногами взрослых; увидел всё то, что на обычном языке называется мятежом.

Он увидел размётанный в клочья дом; не осталось даже фундамента, одна безобразная яма да груда обугленных брёвен. Фесс втянул ноздрями воздух – гарью совершенно не пахло. Дом сжёг не обычный огонь, его уничтожила магия.

Он увидел тела на обочине – неузнаваемые, полуобугленные, с чудовищно разорванными животами. И тоже – никакого запаха. Обитателям этого дома очень сильно не повезло.

Руки сами собой взяли глефу на изготовку, хотя Фесс понимал, что сейчас сражаться здесь совершенно не с кем. Маги разили издалека, оставаясь неуязвимыми в своих зачарованных башнях.

Его, конечно, заметили. Но, хотя по-воински одетые и до зубов вооружённые люди едва ли особенно часто встречались в этой части Чёрного Города, особого внимания Фессу никто не уделил. Ему даже пришлось схватить за рукав дюжего мужика с топором на длинной рукоятке, чтобы узнать хоть что-нибудь.

– Где они? – в лоб спросил Фесс. Ясно, что задавать сейчас вопросы типа «А с кем это вы, голубчики, тут дерётесь?» было по меньшей мере опрометчиво.

– В башне попрятались, гады. – Мужчина ничуть не сомневался, что под «они» подразумеваются именно враги, чародеи Радуги. – Засели, сволота, и огнём плюются. Эвон Даркин дом сожгли. И Даркины все погибли. Лютой смертью. – Он неожиданно хлюпнул носом. Видно, погибшие Даркины приходились ему кем-то большим, чем просто соседи.

– А чего именно сюда-то плюнули? – спросил Фесс, держа глефу на изготовку.

– А Дану их знают! – Мужчина злобно ощерился. – Не видал я. Только уж когда стукнули, увидел. Как дом рушится, значит, увидел, – уточнил он.

– Ну так что ж, пошли тогда к башне. – Фесс перехватил оружие поудобнее. – Пошли, и, клянусь, никакая магия им уже не поможет!

Они влились в толпу. Разрозненные группки к тому времени успели превратиться в настоящий людской поток. Очевидно, внимание чародеев привлекло что-то иное – в стороне, левее, где-то около Самоцветной улицы, раздалось пять или даже шесть громких хлопков, словно какой-то исполин от души аплодировал закончившим выступление артистам.

Фесс невольно вздрогнул. Он знал – и, следовательно, мог чувствовать достаточно, чтобы понять, какой силы магия пошла в ход.

Толпа, очевидно, тоже научилась уже кое-чему. Кто-то вскрикнул, раздались многоголосые проклятия, заплакали женщины. Фесс повернул голову – в багрово-чёрное небо медленно поднимались пять витых столбов золотисто-жёлтого пламени.

Воин вздрогнул. Защиты от этих чар он не знал. Если его накроет...

Внезапно и сильно заныло плечо, так что он даже скривился от боли.

Они миновали большой, наполовину сожжённый трактир. На мостовой лежали неубранные трупы – не меньше двух десятков. Сюда, похоже, маги ударили прицельно.

Башня Зелёного Ордена гордо стояла посреди неширокой площади, подобно всем остальным твердыням Радуги в пределах кварталов Мельина. Вокруг неё в беспорядке были набросаны тела – похоже, первый штурм дорого обошёлся восставшим.

– Спервоначалу огнём плевались, – выдохнул прямо в ухо Фесса его давешний собеседник. – А вот теперь что придумают?..

Маги Радуги и впрямь могли придумать многое. Могли, например, сотворить заклятье Перемещения и дружно покинуть башню, предоставив горожанам разбивать лбы о её несокрушимые стены и терять людей под ударами охранных чар.

Острый шпиль башни тонул в багряных клубах дыма. На противоположной стороне площади горело несколько домов – тоже, как видно, под действием волшебства, потому что пламя не дерзало перекидываться дальше.

На балконах и высоких галереях башни не было видно ни души. Казалось, огонь возникает сам по себе, ниоткуда, словно карающий гнев самих богов.

Однако никаких богов тут не было.

Фесс застыл, вжимаясь в покосившуюся стену дома – плохая защита, но всё же лучше, чем никакой. Он понимал, что шансов у нападающих нет. Пусть даже они завалят трупами все подступы к бронзовым воротам.

Наверное, в иное время он попытался бы проникнуть в башню через подвалы и катакомбы – он не сомневался, что каждый подобный оплот Радуги имеет хотя бы один потайной отнорок. Но, конечно же, не сейчас.

Он закрыл глаза, пытаясь сосредоточиться, пытаясь уловить ток пронзающих весь тварный мир потоков магической энергии, зачерпнуть в них Силу – он ведь был как-никак магом, хотя и не закончившим кичливую Академию в родной Долине.

И немедленно ощутил опаляющий гнев. Кто-то, куда более сведущий в магической войне, нежели Фесс, держал в тугом узле все доступные воину потоки. Фесс видел разворачивающееся покрывало мрака и пару горящих огнём глаз на нём – Страж Силы заметил чужака и готовился к отпору.

Первое, что сделала Радуга, – это постаралась защитить себя от волшебников-ренегатов.

Фесс с мучительной болью еле-еле сумел оторваться от двинувшегося на него чудовища.

Он не успел даже подумать, что же делать дальше, как левее, там, где в площадь вливался крошечный проулок Старьёвщиков, кто-то истошно завопил, и крик этот подхватили сперва десятки, а затем и сотни глоток.

– На приступ, на приступ, на приступ, на приступ!

Так бывает, что людям кажется – они неуязвимы. Им кажется, что стены рухнут от одного их боевого клича. Им кажется, что ворота откроются сами по себе и засовы отодвигнутся тоже сами, едва их ладони коснутся створок.

Боевое безумие. Когда целое войско обращается в сонм разъярённых берсерков, не замечающих ран, не чувствующих боли и не боящихся смерти. Не боящихся и не замечающих даже собственной гибели.

Фесс распластался по стене, вжался в неё, понимая, что бежать вместе со всеми – это смерть куда более верная, чем если прыгать с обрыва в тысячефутовую пропасть. Он очень хотел бы зажмуриться – даже у воинов Серой Лиги наступает предел. Но глаза отказывались закрываться. Веки не повиновались. И, оцепенев, оледенев, Фесс смотрел.

...Толпа хлынула со всех сторон, из всех улиц, улочек, проулков и просто щелей между домами. Фесс и представить себе не мог, что багровая тьма таит в себе столько народу. Мелькнули стрелы, лучники целились в окна верхних ярусов и бойницы – нижних. *«Напрасная попытка, – подумал Фесс. – Никому из магов нет нужды стоять на виду или хотя бы около бойницы. Они сейчас все внутри, собрались вокруг талисманов, вокруг напоенных магической силой кристаллов, что помогают улавливать и использовать даром текущие реки Силы; ничто не заставит магов высунуть даже и нос, а вот от толпы сейчас ничего не останется».*

Конечно, маги могли бы прибегнуть к иллюзии, внушить атакующим панический ужас и, наверное, небезуспешно... если бы попытались сделать это немного раньше. Сейчас толпу не остановила бы и орда огнедышащих драконов.

Раздалось глухое «зумпф!», словно целая стая исполинских китов выдохнула разом. Башня засверкала нестерпимым блеском, от кончика шпиля до самых фундаментов, окна превратились в чёрные провалы на фоне ослепительного сияния, а потом пламенеющая тень самой башни вдруг резко поднялась вверх, раскрываясь точно зонт и нависая над полной народу площадью исполинским шатром. Фесс судорожно зашептал про себя затверженную ещё с детства молитву-оберег. Ничто иное защитить его уже не могло.

Пылающая сеть рухнула вниз, и площадь в одно мгновение обернулась истинным адом. Огненные нити распарывали бегущих, словно на пути огня оказалась не полная крови человеческая плоть, а плавкий воск свечей. Зашипел и потёк камень; кровь убитых мгновенно вскипела, и площадь окуталась густым паром.

Фесс наконец-то смог закрыть глаза. Но он знал, что крики умирающих будут преследовать его теперь даже за гранью смерти.

Однако сеть смела далеко не всех. Слишком далеко отстояли друг от друга слагавшие её нити; наверное, половина атакующих избежала этой участи. Перепрыгивая через тела упавших, скользя и падая в покрывшей камень горячей, парящей крови, они бежали дальше – вперёд, вперёд, только вперёд, к воротам!

Фесс мельком подумал: *«Неужто маги настолько боятся, что прибегли к таким чарам? Ведь если б они просто заперлись в башне...»*

Теперь из бойниц вырвался целый рой зеленоватых шаровых молний. Запахло свежестью, как при грозе. Однако Фесс ясно видел – это второе заклятье куда менее мощно, нежели первое. Огненная сеть скосила полтысячи человек; от второго погибло самое большее сотня. Уцелевшие издали дикий вой, добежав наконец до возделенной башни; створки ворот задрожали и загудели от обрушившегося града ударов; тотчас начали расти живые пирамиды.

Фесс и представить себе не мог, что мельинские обыватели так хорошо умеют штурмовать укрепления. Не мог и представить, что ненависть к магам настолько глубока, что может бросить людей на верную смерть, и они будут умирать с яростно-бессмысленным боевым кличем на устах.

Волшебники Долины, как правило, пренебрежительно относились к простым смертным. Но в эти мгновения Фесс понял, что сам бы он никогда и ни за что не нашёл в себе сил с таким высоким презрением к собственной жизни рвануться навстречу уничтожающему огню. Он думал, как победить и выжить. Умиравшие на площади люди думали только о том, чтобы победить.

Откуда-то появился импровизированный таран – вывороченный из земли привратный столб с окованным наверху. Десятки рук раскачали столб, железо грянуло в бронзу дверей, и Фесс, замирая, понял, что маги проигрывают, несмотря на все свои силы. Они сожгли сотни и сотни, но оставшиеся с муравьиным упорством продолжали штурм, не разбегаясь в ужасе и не поднимая рук, моля о пощаде. Если народ ворвётся в башню, защитникам придется совсем плохо. Чародеев просто задавят числом, и тут уже не поможет никакая магия... кроме разве что самой изощрённой. Но ею, казалось Фессу, аколиты Флавиза не владели.

Сверху, из окон, вниз полетела зеленоватая светящаяся пыль, словно стаи мелких мотыльков. Защитникам пришлось встать к бойницам. Очевидно, в башне не нашлось достаточно сильного мага, чтобы вновь объединить мощь всех чародеев, зачерпнуть сил в неиссякаемых магических реках и ударить, применив заклятие наподобие той огненной сети, обратившей во прах самое меньшее пять сотен человек. Каждый волшебник сражался сам за себя.

Зелёная пыль опустилась на головы штурмующих, и боевой рёв толпы тотчас прорезали истошные вопли. Пыль мгновенно въелась в плоть, пожирая кожу, кровь и мышцы; мелькнули обнажившиеся кости. Таран упал; однако на место погибших тотчас же встали новые. Лучники, не скрываясь, били и били по окнам и бойницам, били почти что в упор, и Фесс видел, как чёрные росчерки стрел то и дело врывались в узкие тёмные щели.

Звук ударов внезапно изменился – запоры и петли начали поддаваться. Ещё немного, и створки рухнут.

Очевидно, в башне это тоже прекрасно поняли.

Обмерев, Фесс увидел медленно разгорающееся над шпилем зеленоватое сияние. Он чувствовал магию – магию рвущую, разрыхляющую, ломающую преграды, но притом отнюдь не убийственную. Воин не понимал, что задумали защитники; ему и в голову не могло прийти, что...

Брусчатка площади заходила ходуном. Тут и там появились провалы, над ними тотчас же закрутился дымок. Потянуло мерзкой вонью, и тут Фесс осознал, что происходит.

«Тупица!» – только и успел он обругать себя, бросаясь вперед.

Маги нашли самое простое решение. И, наверное, самое лучшее.

Целые столетия Мельин простоял на раскинувшейся под его улицами паутине старинных катакомб, проложенных руками ещё дочеловеческих рас. Фесс знал, что самые старые выработки восходят к временам, когда здесь и слыхом не слыхивали не только о людях, но даже об эльфах, гномах и Дану.

Потом пришли новые хозяева и, не утруждая себя, возвели новые дворцы и хижины на старых фундаментах. Вот тогда-то в подземельях Мельина и появилась – во множестве! – та самая Нечисть. Правда, долгие годы мир подземный и мир наземный не слишком-то беспокоили друг друга. Обитатели Мельина быстро усвоили, что глубоко им лучше не лезть, а обитатели катакомб, несмотря на всю свою звериную тупость, – что двуногих обитателей поверхности лучше не трогать. К тому же регулярные удары Радуги, точно метла мусор, выметали из подземелий целые легионы свежих трупов.

Однако, несмотря на это, Нечисть под Мельином никогда не переводилась. Питалась чем придётся, отбросами большого города в том числе.

И ждала, ждала, ждала...

...Из провала с писком ринулась целая лавина тварей, чем-то похожих на здоровенных крыс, только покрытых грязно-зелёной чешуей. Из другой ямины высунулась огромная уса-тая морда громадного безглазого червя; из третьей вывалился клубок спутанных щупалец, тотчас сграбаставших и потащивших к себе живую добычу.

Фесс видел, как падали люди, как в их руках замелькали, вздымаясь и опускаясь, дубины, топоры и самодельные копья. Однако маги, похоже, стянули сюда Нечисть из-под

всего Мельина. Были тут и отродья, каких Фесс никогда не встречал и даже не подозревал, что такие существуют. Гигантов было мало – им труднее найти пищу да и вообще передвигаться по тесным, извилистым ходам катакомб; однако зубастой мелочи хватало.

Фесс наотмашь рубанул глефой по голове только-только высунувшегося из провала червя. Лезвие просекло плоть на всю глубину – черви эти тем и отличались от змей, что не имели ни черепа, ни даже костей.

Фонтан зелёной дурно пахнущей слизи взлетел, наверное, футов на шесть. Туша провалилась обратно в темноту; Фесс собрался было запечатать дыру заклинанием, но впереди уже разгорелась настоящая битва. Обитатели верхнего Мельина сражались с обитателями нижнего.

О башне и магах все словно бы забыли.

Это было тоже яростное сражение; подстёгиваемые магией твари нападали, не помня себя, забыв об осторожности и страхе перед огнём. Висли на людях чудовищными гроздьями, пуская в ход и клыки, и когти, и щупальца. Ядовитые жвалы, стрекала, острые шипы гребней – в ход шло всё.

Фесс врезался в кипящее море тварей. Воин Серой Лиги рубил с такой быстротой, что оба клинка глефы слились в одно шелестящее кружение; чёрная и зелёная кровь взмывала потоками, когда очередное сердце лопалось, разрубленное надвое зачарованной сталью.

Фесс оставлял позади себя настоящую просеку. Спасти его могла только быстрота, нельзя было дать тварям вцепиться ему в ноги – что они обычно проделывали со своими противниками.

Его заметили. И оказалось, что маги Флавиза очень даже пристально следили за всем, что творилось на площади.

Фесса спас инстинкт. Воспитанный в Долине, прошедший неплохую школу у Клары Хюммель, он успел уклониться в последний момент. Облачко зелёной пыли проплыло возле самой его головы – и, промахнувшись, опустилось на какую-то злодейского вида многоножку, только-только высунувшую уродливую харю из-под земли.

Заклятье само просилось наружу, и Фессу стоило немалых усилий сдержаться. Радуга не должна ничего знать о нём... по крайней мере пока.

Однако становилось ясно, что люди проигрывают битву. Слишком много повылезало Нечисти; ярость уступала место страху и желанию выжить.

Таран бросили. Сперва постепенно, а затем всё быстрее и быстрее люди начали отходить; и не прошло нескольких мгновений, как отступление превратилось в паническое бегство.

Люди бежали – а твари мчались по пятам, бросаясь на их плечи всей массой и заваливая вожаков добычу. Немногих уцелевших спасло лишь то, что бестии тотчас устраивались пировать, забыв про всё на свете.

Фесс видел, как чешуйчатая зелёная крыса вспрыгнула на плечи истошно завизжавшей девчонке лет пятнадцати, увидел, как в тонкой руке взлетел нож и как проткнутая тушка покатилась по камням – и как сразу три крысы вцепились девчонке в ноги, а едва она, взыв от боли, нагнулась, размахнувшись ножом, сразу пара тварей оказалась у неё на голове и шее. Брызнула кровь из прокушенных вен; девочка выпустила нож, зашаталась и рухнула навзничь. Полчища крыс тотчас накинулись на новую добычу.

Глефа воина Серой Лиги опоздала на считанные мгновения.

Отбиваясь на ходу, Фесс бежал следом за остальными, всей спиной чувствуя нацеленные в него полные ненависти взгляды.

Радуга распознала врага.

* * *

Агата замерла, подобно птичке перед удавом, глядя на громадную уродливую фигуру. Хозяин Ливня был во всё той же древней, покрытой пробоинами и вмятинами броне, рогатый шлем, чудовищный череп-фонарь в левой руке, глазницы пылают зелёным огнем; длинный фламберг в правой длани, по чёрному клинку бегут струйки Смертного Ливня; злая сила, чужая самой плоти этого мира, «древних ратей воин отсталый», неведомо как избегнувший объятий смерти и сохранивший в себе одно-единственное чувство – жажду. Жажду теплой крови, словно истинный вампир.

Агата не могла двинуться, не могла пошевелиться. И маги Красного Арка надеялись, что она справится с эдаким страшилищем? Она, безоружная?

Она не могла ни бежать, ни сражаться. Только стояла, бессильно уронив руки, и смотрела на приближающуюся смерть.

Что ж, может, оно и к лучшему. Там, в Вечном Лесу, куда уходят после телесной гибели все Дану, она рано или поздно встретится с родителями, с друзьями детства, с кем играла под походными телегами армии Дану...

Пусть только скорее.

Чудовище остановилось. Череп повернулся, два зелёных луча-кинжала уперлись в Агату. Магия Арка выдержала удар – хотя отдача разлилась тяжёлой болью по всему телу девушки-Дану.

– Чую, чую, чую... – забубнил глухой шлем. Смотровая щель обернулась к Агате. – Выпью душу, выпью душу, выпью... выпью...

И Хозяин Ливня сделал первый шаг к обмершей Дану.

«Конец...» – обречённо подумала она. И, точно в сказках, Агата на самом деле вдруг увидела себя совсем крошечной, играющей рядом с родителями; только теперь она понимала, что за странные повозки окружают их и почему и мама, и отец облачены в доспехи, а за поясами – длинные и тонкие мечи с рукоятками, выточенными из корней тех деревьев, что росли рядом с домом.

Картина сменялась картиной. Вот праздник Первого Локоня, после которого девушка считается взрослой и может жить сама, как считает нужным – но в полном согласии с многочисленными обычаями Дану. Вот на празднике звучат обращённые к ней, Сеамни Оэтаканн, слова жреца, слова Уст Леса: желает ли она покинуть родительский кров? И её ответ в полном согласии с традицией: «Разве я изменщица отцу моему и матери моей? Разве оттолкну я взрастившее меня лоно и защищавшую меня грудь?»

И потом – дни и ночи, ночи и дни, походы, сражения, краткие мирные передышки... Империя наступала, легионеры шли сквозь леса, и даже всё искусство прославленных лучников-Дану не способно было их остановить.

И потом – о, злая судьба, пославшая ей и тотчас же отнявшая Иммельсторн, последнюю надежду народа Дану!

Иммельсторн... Агата представила себе, что в руке – чуть шершавый эфес Деревянного Меча. Представила себе его дивную соразмерность, остроту его гибельного лезвия...

Когда она открыла глаза, то почти по-детски обиделась невесть на кого, увидев свою правую ладонь по-прежнему пустой.

Однако Хозяин Ливня не приблизился ни на шаг. И даже зелёный блеск в глазницах черепа как-то приугас.

Остриё фламберга опустилось к земле.

– Вы... пью... – повторил Хозяин Ливня, но уже без прежней уверенности.

Неужели сама мысль о Деревянном Мече повергла непобедимое чудище в такой ужас? Дрожа, Агата постаралась вновь вызвать ускользающее видение – представить себе восхитительно гармоничный изгиб клинка, баланс, при котором оружие кажется продолжением руки, спокойную силу Лесов, что дремлет где-то в душе Меча, в её непредставимой глубине, а когда открыла глаза...

Хозяин Ливня закинул свой чудовищный чёрный фламберг на плечо.

– Дочь Дану! – внезапно прогудел он. Вполне членораздельно, хотя и очень низким рокошущим басом. – Дочь Дану... изведавшая... принявшая... Дочь Дану!

Агата наконец нашла в себе силы попятиться. Говорящий Хозяин Ливня казался ещё страшнее молчаливого.

– Возрадовался я, что ты оказалась на пути моем! – Страшный череп теперь и вовсе смотрел в землю. – Рад я вельми! Дай руку мне, Дочь Дану, и мы покинем сию юдоль!

– К-куда? – еле-еле смогла пролепетать Агата.

– Ко мне, Дочь Дану, ко мне на восходный берег великого моря, где солнце поднимается из воздушных бездн, где стоит мой дом. Давно я искал равную тебе, о Дочь Дану! Многих встречал я, но... лишь ты, принявшая великую силу Иммельсторна... Идём же!

– Но... но я... – пробормотала Агата.

– Не есмь важно всё сие, не есмь важно и всё иное, – поднял руку Хозяин Ливня. – Значимо есмь лишь то, что я нашёл тебя. Идём же!

Агата сжалась, замерла, парализованная ужасом. В сознании вновь всплыл образ Деревянного Меча – но на сей раз Хозяин Ливня не остановился. Он просто подошёл к Агате и протянул к ней руку в наполовину истлевшей и распавшейся ржой латной перчатке.

– Пусть творится то, что должно! – торжественно провозгласил великан. – А наш с тобой путь, о Дочь Дану, – на восход, на самый восход, где горы встают из пламенеющего моря!

Гигантская рука коснулась возведённого магией Арка защитного купола.

– О-о, – прогудел Хозяин. – Зрю я, ты послана огненными колдунами! – Вокруг латной перчатки заплесал ореол чистого алого пламени. Однако старинная сталь медленно, но верно продолжала вдавливаться внутрь. Из-под глухого забрала вырвался короткий стон.

– Сильна волшба их, и невозможно превозмочь её так просто! – сдавленно проговорил Хозяин.

И в этот миг завеса лопнула.

Мир вокруг Агаты взорвался. Тьма, смешанная с яростным пламенем, ринулась на неё со всех сторон.

И последнее, что успела подумать девушка, – не на это ли и рассчитывал хитроумный Верховный маг Арка?..

* * *

Ливень прекратился внезапно, в один миг. Сидри так и подскочил на жёстком каменном ложе, когда неумолчный стук капель по внешней стене вдруг стих.

Не веря своим глазам, Сидри заставил ставни открыться. Небо оставалось серым и бессолнечным, но страшные чёрные тучи Смертного Ливня истаявали, рассеиваясь безвредным паром, как всегда случалось после его окончания.

Гном в задумчивости почесал бороду. По его расчетам, ждать нужно было ещё не меньше трех недель. Что случилось? Почему впервые за много-много лет Смертный Ливень прекратился намного раньше срока?

И не случится ли так, что он возобновится? Попасть под него в дороге, особенно после того, как добыт Драгнир, Сидри совсем не улыбалось. Если Ливень внезапно кончился – чего не случилось никогда раньше, – то почему бы ему и не начаться вновь?

– Не торопись, не торопись, Сидри, – сказал сам себе гном. – НЕ ТОРОПИСЬ! Каменный Престол это бы не одобрил. Выжди. День, два, может быть, три. Пока все остальные...

«Нет! – внезапно подумал он. – Об этом не может быть и речи. Среди хумансов наверняка найдутся отчаянные, что уже собираются в дорогу. Ты рискуешь попасть под Ливень – но страшнее Ливня встретить кого-то из Радуги. Забыл почтенного Ондуста?»

Больше гном не колебался. Собрав немудрёные пожитки, он принялся крепить верёвку. Незачем рисковать. Он спустится вниз по внешней стене – именно сейчас, пока в округе нет никого из охотников за самоцветами и их магов-покровителей.

Сказано – сделано.

Немного времени спустя гном тяжело перевалился через каменный парапет. За спиной его, намертво прикрученный великим множеством петель, покоился Драгнир.

* * *

Тави осторожно выглянула из низкой дыры тоннеля. Всё правильно. Это здесь.

Она по-прежнему не пользовалась факелами. Магия позволяла видеть даже в кромешной тьме, а сейчас был не тот момент, чтобы экономить силы.

Громадный зал, где разыгралась давешняя схватка, был пуст. Лишь у стены застыло чудовищно скорченное и изломанное тело Кан-Торога. Вольный лежал, так и не выпустив оружия.

Тави осторожно опустилась на одно колено. Нечего было и думать исполнить все до единого сложные ритуалы Вольных, и всё же какие-то слова она должна найти.

– Ты умер лучшей смертью, какой только может погибнуть Вольный, – негромко сказала Тави, опуская мёртвому веки. – Ты умер, сражаясь с поистине неодолимой силой, и ты одолел её – своей гибелью. Я обещаю, Круг Капитанов узнает о случившемся. Твоя дружина сможет гордиться тобой, Кан-Торог. А тело твоё да пребудет здесь до той поры, пока не изменится мир и Спаситель, в которого не верили ни ты, ни я, не воссядет для Последнего Суда.

Девушка выпрямилась. Осторожно разжав сведённые последней мукой пальцы, взяла меч – согласно обычаю, снискавший славу клинок должен и дальше пребывать в дружине, несмотря на гибель владевшего им.

– Я донесу его до Круга Капитанов, – сказала мёртвому Тави. – Все возрадуются и воздадут тебе хвалу, Кан-Торог. И душа твоя возрадуется тоже, странствуя по неведомым надмировым путям...

Она закрыла глаза и развела руки в стороны, раскрываясь, давая волю дремлющей внутри магической искорке.

Удар! Золотистый ливень молний вонзился в каменную плоть стены; с грохотом обрушилась лавина, погребая под собой тело Вольного.

Тави задержалась лишь для того, чтобы выплавить на поверхности самого крупного из рухнувших обломков имя Кан-Торога рунами его родного языка.

Теперь оставалось только отыскать дорогу наверх... да как-то переждать Ливень.

О том, что он кончился, молодая волшебница пока ещё не знала.

* * *

Патриарх Хеон мог быть доволен. Чёрный Город запылал сразу со всех концов. Летучие отряды Серых нападали на башни магов то там, то здесь, стремительно атакуя и столь

же стремительно отступая, так что ответные удары магов приходились по пустому месту – то есть по домам невинных горожан.

Так что не было ничего удивительного в том, что спустя несколько часов после полуночи Чёрный Город взял башни волшебников в плотную осаду. Даже издавший виды Патриарх удивился – такой ярости и самопожертвования от мельинских обитателей он не ожидал.

Его собственные тагаты, ударные полусотни ночных воинов, приступом взяли четыре из четырнадцати башен в Чёрном Городе; трофеи уже сделали Хеона самым богатым человеком в Мельине – кроме разве что Императора. Ланцетник, тот прямо-таки утопал в магических амулетах, оберегах и прочей добыче.

Хеон чувствовал – враг дрогнул. Маги сбиты с толку, растеряны, и неудивительно – они никогда ещё не встречались со снадобьем Ланцетника, не знали, как ему противостоять и как с ним бороться; однако эта растерянность скоро пройдёт, когда они поймут, что они имеют дело не с заурядным мятежом, а с настоящим восстанием, тогда в дело вступят Верховные маги Орден, вроде Реваза и Сежес. Надо успеть уничтожить как можно больше рядовых волшебников, учеников, аколитов – Хеон знал о заклятье Кольца, о том, что маг высшего уровня может объединить силы своих более слабых собратьев, сплетая такие чары, перед которыми не устоят ни горы, ни небеса. Пока этого не случилось – паки и паки истреблять всех, кто носит одноцветный плащ, истреблять, пока в Мельине не останется ни одного волшебника!

И тогда он, Хеон, потребует с Императора соответствующую плату.

Лишённые руководства, маги в провинциальных городах станут лёгкой добычей. Нет сомнения, после сегодняшнего успеха остальные Патриархи Лиги не будут значить уже ничего. Обогатившиеся воины Хеона станут предметом зависти; к Хеону придут новые тагаты воинов, покинув своих прежних Патриархов.

И тогда Серая Лига станет истинной хозяйкой Империи.

О том, что будет дальше, Хеон не задумывался, считая себя трезвомыслящим и не витающим в облаках.

Но на переломе ночи гонцы стали приносить совсем иные известия.

Там, где наступали тагаты Патриарха, всё было в порядке. Зато в иных местах – в частности, возле второй башни Флавида, что возле пересечения Углежогной и Древосечной улиц – маги отбили все атаки мельинцев, выпустив на поверхность орды Нечисти. Началась резня. Жители в панике бегут, а маги... Маги выходят из башен, намереваясь скорее всего оказать помощь братьям других Орден, окружённых войсками Лиги.

– Нечисть валом валит-с, ваше патриаршество. – Зубы верного Фихте выколачивали дробь. – Того и гляди сюда пожалуют-с, ваше патриаршество!

Хеон не повёл и бровью. Никто не должен видеть его растерянности. У него в резерве ещё оставалось четыре полных тагата, он имел чем парировать внезапную угрозу, но чем тогда развить успех?

И всё-таки такое не проигнорируешь.

– Фихте, разверни один тагат поперёк дороги этих тварей, а другой пусть ударит им в бок, – приказал Патриарх. – Ещё один тагат – на Углежогную, если маги действительно покинули убежище – окуривать их дымом и расстреливать. Никаких пленных. Они уже не нужны.

– С-слушаю-с, ваше патриаршество, – слабым голосом ответил слуга. Ему, единственному в Серой Лиге, позволялось быть трусом. Маленькая прихоть великого Патриарха. Точнее, Патриарха, которого непременно назовут великим – после этой ночи.

* * *

Легат Авраамий благополучно провёл свои манипулы в Чёрный Город. Разумеется, маги не ограничились одним ударом – за первым вскоре последовал второй, более удачный: легат потерял два десятка человек убитыми и почти столько же – ранеными и обожжёнными.

В Чёрном Городе на пути когорты стали всё чаще и чаще попадаться кучки людей с неказистым, самодельным оружием. Легионеров окликали; кто-то находил приятелей.

– Куда идёте? – слышалось со всех сторон.

«Ясное дело, бояться, что нас послали усмирять бунт», – подумал легат. И крикнул – так, чтобы слышала вся улица:

– Магов бить идём! По слову Императора!

– Ур-р-ра! – истошно завопил кто-то, и этот крик тотчас подхватили десятки глоток. К рядам легионеров начали пристраиваться люди. Центурионы не препятствовали. Старые вояки знали – первыми в бою всегда гибнут новички. Так пусть уж лучше эти, чем свои же воины. Цинично, как и любое старое солдатское речение.

Однако, углубившись на пять кварталов в паутину улиц Чёрного Города, легат понял, что дальше идти церемониальным маршем ему не придётся. Волшебники успели приготовиться к отпору.

Легат не имел никаких способностей к волшебству – в отличие от собственной сестры. Однако – и это, похоже, было семейным даром – мог чувствовать направленную против него магию. Второй удар оказался бы куда более тяжким, не скомандуй легат вовремя: «Рассыпаться!».

Вот и теперь. Впереди лежала пустая, мёртвая улица, лениво горел угловой дом на следующем перекрёстке. Врагов видно не было, но они уже ждали когорту. Ждали и готовили западню.

Первые ряды – принципы – смыкали щиты; далеко за последними шеренгами триариев арбалетчики приготовились стрелять навесными.

Легат вместе с несколькими телохранителями и сигнальщиками пробрался на чердак покинутого обитателями дома. Впереди, в кварталах мельинской бедноты, бесшумно вспух, оторвался и растаял в мрачном небе огненный пузырь. Над крышами заплясали язычки пламени, там начинался пожар.

– Эдак они весь город спялят, пока мы тут прохлаждаемся! – вслух, специально для своих солдат, сказал легат. Многие, очень многие имели в Чёрном Городе и родню, и друзей.

Щитоносные шеренги застыли. Легат вёл когорту тремя параллельными улицами – рискованно, однако так оставалась хоть какая-то свобода маневра.

Затаившийся впереди враг ждал. Оно и понятно – ему не было нужды обнаруживать себя, маги остановили наступление целой когорты одной лишь тенью своего присутствия.

Авраамий скрипнул зубами. Ничего, кроме разведки боем, ему не оставалось.

Он подозвал старшего центуриона, вполголоса отдал несколько приказов. Выкликнули добровольцев. Два десятка отозвавшихся первыми и без колебаний Авраамий повел за собой – дворами и проулками, не слишком обращая внимание на заборы и прочие глупости.

Несколько раз в окнах мелькнули перекошенные от ужаса женские лица, но, конечно же, никто не дерзнул заступить легионерам дорогу.

...Гнилой потемневший забор, кривой сарай, крытый дранкой, покосившиеся стены старого-престарого двухэтажного дома – внизу помещался дешёвый трактир-харчевня, верхние комнаты трактирщик сдавал внаём. Легат успел вскинуть руку в последнее мгновение, едва сознания только-только коснулась смутная тень угрозы.

И вовремя.

Воздух над их головами зазвенел и застонал, рассекаемый невидимыми клинками. Запоздавшего легионера разрубило надвое, не помогли ни щит, ни кованый панцирь. Аврамия окатило струёй горячей крови; однако, как ни быстр был враг, легат, сражавшийся в своё время с морскими разбойниками, успел заметить скользнувшую по крыше тень.

– Там! – крикнул Аврамий, указывая вверх. Восемь арбалетов ответили ему дружным, слитным залпом. Имперские арбалетчики были приучены стрелять, ориентируясь по вытянутой руке легата или центуриона.

Колотясь о дранку раскинутыми руками и ногами, вниз, во двор скатилась пробитая тремя болтами тощая фигура.

Убитый маг был почти мальчишкой. Наверняка ученик, по крайности – подмастерье, которому наскоро внушили пару боевых заклятий и бросили в бой, пока *настоящие* маги берегут свою драгоценную плоть.

Легат покачал головой. Сейчас им просто повезло... просто повезло. Они заплатили одним за одного. Но дальше, если на каждой крыше и на каждом чердаке будет сидеть по такому мальчику, от когорты ничего не останется и сделать она ничего не успеет.

Они продвинулись на пару домов дальше. И столкнулись со второй засадой.

На сей раз им повезло меньше, да и заклятие оказалось наложено тоньше и искуснее. Доски лестницы, по которой они поднимались, внезапно ожили, со стен глянули вниз чудовищно искажённые зверские физиономии, и легат уже потом только понял, что это невероятно изменённые их собственные лица и что само заклятье – не более чем кривое зеркало.

Но прежде чем легионеры прорвались сквозь строй деревянных врагов, они потеряли троих. Одного мага – опять же мальчишку – зарубили, второму арбалетная стрела пробила правое плечо, и его скрутили.

– Глянь-ка, девчонка! – удивился седоусый центурион, командир стрелков.

Девушка, тонкокостная, некрасивая, глядела на легионеров, точно мышь на схватившую её кошку. Аврамий заметил, что кровь из её простреленного плеча уже не течёт.

– Где остальные? – чисто проформы ради спросил он.

– Не скажу! – Девушка оскалила мелкие зубки и стала невероятно похожа на крупную крысу.

– Кончайте её, – вздохнув, приказал легат. Не было ни времени, ни возможности допросить девчонку по-настоящему.

Та судорожно всхлипнула, но так ничего и не сказала. И даже о пощаде просить не стала.

– Повиновение Империи, легат! – Центурион по-уставному прижал кулак к латам. – Не позволите ль сперва?.. Мы быстро.

– Ума лишился, Клодиус!

– Никак нет, легат, девка эта – из Жёлтого Угуса, а я слышал, что они таковскому посвящены, что ежели ученицу, значить, девственности лишить, эвто ей хуже смерти. Да вы сами гляньте, легат!

И он с силой рванул за длинный подол.

– А-а-а!!! – истошно завопила девчонка, забившись так, что из плеча разом струёй брызнула кровь. – Не-е-е-ет! Всё скажу! Скажу-у-у!!! Только не это! А-а-а!!!

Её всю мгновенно покрыли крупные капли пота. На шее судорожно забились жилки, зрачки расширились. От ужаса она вообще забыла про магию, Аврамий не чувствовал сейчас ничего, даже самого слабого присутствия волшебства.

– Связать! – мгновенно распорядился легат. – И помни, девка: станешь говорить – добром тебя отпустим, нет – ты сама знаешь, что будет. Всю когорту через тебя пропущу.

Вернулись с добычей.

Тем временем над Мельином уже окончательно сгустилась ночь, однако беспрерывно полыхающее зарево превратило её почти что в день. То тут, то там в небо взмывали столбы пламени, иногда сопровождавшиеся грохотом, иногда, напротив, бесшумные.

Доносились чьи-то крики, то и дело запах дыма перекрывало отвратительное зловоние, словно кто-то вывалил посреди улицы содержимое выгребной ямы.

...Девчонка и впрямь рассказала немало интересного.

– Смотри, головой отвечаешь, центурион, – предупредил легат, опуская на лицо забрало и поудобнее перехватывая меч. – И ты, девка, смотри – если соврала, я тебя и из подземелий Радуги достану.

– Не соврала я-а-а... – послышалось в ответ рыдание.

Когорта развернулась в боевой порядок. Дома, где засели маги-стрелки, брались по всем правилам военного искусства, под прикрытием арбалетчиков.

Снова и снова, разбившись на группы, высоко подняв щиты, а то и составив настоящую «черепашу», солдаты Аврамия со всех сторон врываются в указанный «языком» дом, выбивая окна, двери, а то и используя подвалы. Короткий визг стрел; сталь и магия сплетались в смертельных объятиях, навстречу воинам летели молнии, тёк жидкий огонь, воздух оборачивался жалящей вьюгой ядовитых снежинок – но больше одного заклятья не успевал сплести ни один маг.

А зачастую не успевал и одного.

Аврамий вновь сам повел центурии в дело.

Затаив дыхание, легат карабкался по приставной лестнице. Чердачное окно было открыто, и оттуда прямо-таки смердело магией. Снизу, с первого этажа, уже слышался лязг мечей, рык и проклятья – похоже, этот чародей оказался *мастером Зверей*.

Аврамий неслышно взмыл над подоконником, с лету воткнул короткий и толстый меч в тонкую спину, обтянутую коричневым плащом с пятном от пота посередине. И отскочил, словно разлетевшиеся волной медно-красные густые волосы убитой девушки могли уку-силь.

Продвигаясь, легионеры несли потери, но и маги теряли немало. Когда ночь перева-лила на вторую половину, когорта Аврамия очистила добрых два десятка кварталов, истре-била почти пять десятков молодых волшебников (и волшебниц, надо признать), потеряла убитыми и ранеными около семидесяти человек (да ещё сотню присоединившихся к ним горожан) и вплотную подошла сразу к трём башням – Угуса, Солея и Лива.

Оставалось преодолеть последнюю сотню локтей – и когорта соединилась бы с тага-тами Патриарха Хеона.

Но в этот момент маги дали свободу Нечисти.

* * *

Сидри по-прежнему невероятно везло. Без всяких происшествий он достиг подножия гор и, не задерживаясь, двинулся вдоль хребта на запад, избегая углубляться в болота. Камен-ный Престол преусмотрел и такую возможность. Его посыльные будут ждать Сидри Дрома-ронга на всех дорогах, какими он только сможет вернуться.

Гном шагал, улыбаясь в бороду. Он смаковал свою победу, словно старый пьяница – бутылку хорошо выдержанного вина. Он сгорал от нетерпения – и в то же время наслаждался каждым мигот ОЖИДАНИЯ, словно наяву видя воспрявшие духом гномьи рати, хирд, обла-ченный в сияющую броню, и Драгнир, пламенеющий Драгнир, величайшее оружие, когда-либо созданное в пределах этого мира, оружие, сотворённое для того, чтобы побеждать.

О том, что существует и двойник Алмазного Меча, Иммельсторн, Деревянный Меч, Сидри забыл и думать. Да и то сказать – кому какое дело до этой забытой всеми легенды

презренных Дану? Они уничтожены (единственное достойное дело хумансов), а мы, гномы, живы, и у нас теперь есть Драгнир!

Он даже принялся напевать, со страшной силой фальшивя. Раса гномов не отличалась музыкальными талантами, так же, как эльфы и Дану, – способностями к строительству подземных чертогов и неприступных крепостей.

* * *

Тави устало брела, поднимаясь по очередной бесконечной лестнице. Девушка вымоталась – магия точно пиявка высасывала из неё телесные силы. Так бывает всегда, когда приходится долгое время поддерживать какое-то одно монотонное и простое заклинание, в данном случае – способность видеть в темноте.

Подземелье, где над телом Кан-Торога воздвигся настоящий курган, осталось далеко внизу. Тави не сомневалась, что она уже достигла уровня моря и даже поднялась ещё выше, но до сих пор ей никак не удавалось отыскать ничего похожего на выход. Конечно, в запасе оставалось немало времени – несколько недель, пока не прекратится Смертный Ливень, но постоянно блуждать в потемках – от этой перспективы радости как-то не прибавлялось. Да и живот бурчал всё настойчивее и настойчивее. Магия могла заглушить чувство голода, прибавить на время сил, но вот вовсе обходиться без еды, как некоторые маги высших степеней, Тави пока ещё не умела.

Однако там, за пределами гор, творилось нечто донельзя странное. Тави привыкла – из-под Смертного Ливня не в силах вырваться ни одно заклятье, даже самое сильное или самое простое. Однако сейчас она начинала улавливать слабый отзвук отдалённых, пронизанных магией мест – тех мест, где потоки незримых сил отчего-то цеплялись за плоть этого грубого, тварного мира. В таких местах древние ставили святилища, там камлали шаманы, потом над некоторыми из них возникли храмы или башни Радуги, а многие оказались и просто забыты.

Сейчас Тави внезапно почувствовала их слабое эхо.

«Что случилось? Проклятье, наверху, похоже, творится нечто из ряда вон, а ты петляешь по этому бесконечному гномьему лабиринту, не в силах отыскать дороги. Сознайся, та короткая вспышка, когда ты и в самом деле видела во тьме без всяких заклятий и безошибочно находила дорогу, осталась позади. Теперь, используя обычный магический арсенал, ты только и можешь, что примерно узнать направление.

Если бы при этом ты ещё смогла проходить сквозь камень, было б совсем хорошо», – угрюмо думала молодая волшебница.

Наконец она совсем обессилела. Уселась на ступеньку (лестница и не думала кончаться), достала из мешка скудный съестной припас.

Надо отдохнуть. Иначе она просто не сможет ничего сделать, даже воспользоваться магией.

Однако стоило ей сесть и забыть на время о необходимости переставлять ноги – зов древних святилищ, слабые отголоски природной волшбы, сделался, как никогда, чист и заметен. Магия оправлялась от вызванного Смертным Ливнем шока, и это значило, что в этом году он точно прекратился, и почти на три недели раньше обычного.

Тави даже рот разинула от удивления, едва только осознав случившееся. *«Ливень прекратился! Вот это да! Скорее, скорее прочь отсюда! Выбраться наконец на поверхность! Сколько можно ползать словно червь по этим распроклятым тоннелям!»*

На сей раз она решила, что нет больше смысла таиться. Пришло время пустить в ход настоящую магию – и пусть в погоню бросается хоть вся Радуга!

Открытый бой лучше муторного блуждания по каменным коридорам. А в том, что такой бой будет, Тави не сомневалась. Волшебство, которое она собиралась сплести, требо-

вало больших сил. Для Семицветья это всё равно что огонь в ночи. Конечно, маги ринутся на неё, как стая волков на добычу. Тем более что дозорный их пост совсем недалеко – у главного входа в гномьи подземелья.

Но и ждать – тоже выше её сил! Учитель говорил – есть моменты, когда от драки бежать нельзя, сколь бы ни было велико преимущество врага.

Тави не сомневалась, что сейчас для неё настал как раз такой момент.

Магия рвалась на волю, внутри горело яростное пламя, ещё больше раздуваемое её гневом. Тонкие ноздри девушки трепетали, глаза блестели. Скорее, скорее, скорее!

...Чародейство её было сложным. Она пустила в ход разом и древнюю, и новую магии. Тави знала, что волшебникам Радуги сейчас кажется – вся гора внезапно засветилась изнутри, став на мгновение прозрачной. Выпущенная на свободу Сила срывала с тьмы её каменные одежды, яркий (особенно после подземного мрака) свет лился внутрь, озаряя весь запутанный лабиринт ходов и залов.

Дорога наружу лежала перед ней, видимая словно на ладони. Заклятье продержалось лишь несколько секунд, но и этого Тави было достаточно. Обессиленная, она почти рухнула на камни, не замечая их жёсткости. Гранитные ступени показались ей в тот миг мягче самой пышной перины.

Немножко отдохнуть... и наружу, наружу, наружу!

* * *

...Когда волна закованных в латы ЕГО, Императора, солдат ворвалась на подворье, он едва не заорал от восторга. Первый бой был выигран, сопротивление магов сломлено, и легионеры уже волокли пленников – основательно избитых, окровавленных, большей частью без сознания. С особенным усердием обдирались, само собой, женщины.

Старание воинов было понятно – волшебник, воющий от боли, не способен творить заклинания.

Дрожащих, перепуганных чародеев и чародеек согнали в кучу. Арбалетчики подняли оружие, беря их на прицел. Как ни быстра магия, короткий железный болт, что навывлет пробивает конного воина в полном двойном доспехе, всё равно оказывается расторопнее волшбы.

Недвусмысленный намёк был вполне понятен.

И всё-таки нашлись храбрецы даже среди адептов Радуги.

– Что мы тебе сделали, убийца?! – выкрикнул высокий молодой голос. Девушка лет двадцати с растрёпанными русыми волосами шагнула вперёд, придерживая на груди разорванное платье. – Мы верно служили тебе!.. А ты...

Император с каменным лицом слушал обрушившийся на него поток бессвязных проклятий. Чёрный камень перстня он держал на виду, так, чтобы каждому из пленных стало ясно – даже начини они колдовать, дать команду арбалетчикам он всё равно успеет.

– Оскорбление особы императорской крови, – громко и невозмутимо проговорил он, когда русоволосая магичка выдохлась. – Карается смертной казнью по усмотрению особы императорской крови. Приговор окончательный, обжалованию не подлежит, приводится в исполнение немедленно.

Он позволил себе несколько мгновений острого наслаждения – наслаждения бессильным животным ужасом в глазах жертвы и всеобщим оцепенением среди остальных пленных магов.

А затем резко выдернул меч из ножен.

Лезвие зашипело, рассекая воздух. Обезглавленное тело мгновение ещё стояло, фонтанируя кровью из перебитых жил, а затем мешком рухнуло на аккуратно замощённый деревянными шестиугольниками двор.

Замерев от ужаса, забыв даже и думать о колдовстве, пленные маги смотрели на откатившуюся голову девушки; спутанные русые волосы перемазаны кровью, рот искривлён мукой.

«Кажется, урок неплох», – подумал Император, бросая на тело жертвы белый надутый платок, которым он только что стёр кровь с клинка.

В глазах магов и магичек он читал один только страх. Похоже, никто и не помышлял о борьбе. Кое-кто, опасливо перешёптываясь, кивал на белую латную перчатку – Император носил её, не снимая.

Впрочем, держать в плену чародеев ещё опаснее, чем воевать с ними. Выход здесь только один.

– Стрелки, залп! – резко выкрикнул Император.

Арбалетчики выполнили приказ даже раньше, чем успели осознать его смысл.

Тела магов мешками повалились одно на другое и на землю.

– Проверить и живых добить, – распорядился Император, поворачиваясь спиной к убитым.

Он понимал, что с этого мига Радуга не будет знать ни сна, ни покоя, пока не рассчитается с ним за содеянное.

Однако странным образом он не боялся.

Белая латная перчатка из кости неведомого зверя как влитая сидела на его левой руке.

Глава третья

Понятно. Приятно провести время не удастся». Обычно Клара Хюммель, словно простая смертная, не упускала ни одной возможности походить по торговым рядам, лавкам и рынкам Мельина, всюду торгуясь до изнеможения, до последнего гроша. «Похоже, будет не до развлечений», – думала Клара, сидя на гребне стены. Торопиться было незачем и некуда. Город горел, подожжённый со всех четырех сторон, искать там Кэрли сейчас совершенно бессмысленно.

Однако в то же время Клара никак не могла решить, что же ей предпринять – раньше подобные колебания были ей совершенно несвойственны. Задание Архимага Игнациуса не отличалось четкостью. «Ищи!..» Вот и всё. Конечно, сама Клара смертельно бы оскорбилась, начни Игнациус долго и нудно растолковывать, что и как ей предстоит исполнить.

Твари с Границы... разумеется, о них ходили всякие слухи. Боевые маги Долины встречались с ними и раньше, в каком-то забытом мирке вдалеке от нахоженных троп; обменявшись короткими дуэльными выпадами, стороны разошлись, огрызаясь и зализывая раны. Ни те, ни другие не собирались драться друг с другом и не вставали друг у друга на пути. Боевые маги выполняли свою работу наёмников, а чем занимались в том мире их визави, никого не волновало. В пропитанной, пронизанной магией Вселенной можно встретить самых причудливых созданий. Нет смысла бороться со всеми сразу.

Но, судя по словам Игнациуса, кое-что изменилось. Не принадлежащие ни к сонму Чёрных Богов, ни тем более Светлых, эти бестии преследовали какие-то свои, одним им ведомые цели. Власть над миром – непохоже. Что-то иное, совсем иное, абсолютно иное...

В том и трудность – не понимая этики и ценностей этих существ, невозможно сказать, куда или против чего будет направлен их следующий удар.

И вот Клара бездействовала, являя собой первоклассную мишень – тёмный силуэт на фоне залитого багровым неба. Что происходит в Мельине, было понятно и так – восстание, бунт, мятеж, маги пытаются сейчас его подавить. Что ж, боги Крови им в помощь. Клара совершенно не собиралась вмешиваться. На великой Тропе – сотни, тысячи миров, под разными небесами, все они открыты магу Долины, так что пусть местные колдуны сами разбираются со своими подданными – кажется, тут, в Мельине, именно такие порядки?

Громыкнуло несколько раз подряд. Клара поморщилась – накладывавший чары использовал большую мощь, но распорядился ей куда как неумело, словно пытался прибить муху громадным кузнечным молотом.

«Эдак они от города к утру ничего не оставят», – раздражённо подумала Клара. Мельина ей было бы жалко – город отличался красотой, хотя она его ни разу так как следует и не осмотрела.

Как и все боевые маги, Клара Хюммель была любознательна, и это качество ничуть не ослабело с годами.

...И всё-таки оказалось, что на стене она торчала не зря. Где-то на самой границе мрака, границе, ведомой лишь магам и незримой для смертных, на самом рубеже ночи и того великого, необъятного и непознаваемого, что стоит за простым отсутствием света, – там прошло короткое, резкое движение, словно рябь по тёмной воде.

Клара мгновенно насторожилась. Неужто твари клюнули? Конечно, она торчала на самом виду не просто так. Она чуть приоткрыла брешь в маскирующих и защитных заклятиях, самую малость, чтобы только...

Она не знала, чего «чтобы только». Подманить неведомого врага? Наверное. Но первая заповедь боевого мага предписывала всегда избегать зряшного и ненужного риска – а Клара сейчас очень рисковала. Она давала понять местным обитателям, кто хоть сколько-нибудь

разбирался в магии: «Я не ваша! Я не из этого мира!» – то есть злостно нарушала вторую заповедь Гильдии боевых магов. Впрочем, Клара как раз и не сомневалась, что заповеди существуют только для того, чтобы их нарушать, иначе жизнь утратит всякую прелесть.

Движение повторилось. На сей раз Клара была готова – и потому не упустила момент.

По самому краю ночи мягко скользила зыбкая, то и дело меняющая очертания тень, принимавшая форму то ската с пучком каких-то щупалец, на манер бороды свисавших с морды, то почти человекообразной фигуры, лишь только со странно вывернутыми – коленками назад – ногами. «*Как у козла, пожалуйста*, – подумала Клара. – *Или у кузнечика. Нет, пожалуйста, всё-таки у козла. Ну, здравствуй, здравствуй, гость незванный! Хотела б я – вместе с Архимагом Игнациусом – знать, чего тебе тут понадобилось, мой дорогой?..*»

За первой тенью последовала вторая, потом – третья, четвертая, пятая... Они скользили неслышно, пробираясь той узкой тропой между ведомой всем нам ночью и исполинским тёмным миром, что придвигается вплотную к нашему, стоит нам задуть лучину или погасить факел.

Твари умели хорошо прятаться. Клара не без гордости подумала, что тут даже лучшая из местных магов – эта, как её, Сежес – не смогла бы ничего заметить.

Игнациус сказал – не ввязываться в драку... только посмотреть. Но не к лицу ей, знаменитой Кларе Хюммель, у которой за спиной почти три десятка выигранных войн, возвращаться назад со столь скудной добычей!..

Клара выжидала, внимательная и напряжённая, точно тигрица в засаде. Пусть твари пока думают, что это *они* охотятся на неё.

На самом деле всё, конечно же, «задом наперёд и совсем наоборот».

Ну, давайте, ближе, ближе, ещё ближе!..

Клара слегка встревожилась, когда число теней перевалило за дюжину. С незнакомым противником нельзя допускать *такого* численного перевеса. Даже если твой противник размером с клопа. А эти создания, увы, были куда больше.

Но отступить было уже поздно. Тем более что ничего интересного Игнациусу Клара рассказать всё равно бы не сумела.

Вот если б она явилась к Архимагу с захваченным «языком»!

«Клархен!.. – наверное, только и смог бы воскликнуть Игнациус, доведись ему услышать эти её сугубо девчоночьи мысли. – В твои-то триста с гаком!..»

Маскируясь, Клара стремительно плела заклятье. Очень сложное и вычурное, оно должно было в единый миг вырвать одну тварь из подступающих к волшебнице и одновременно – открыть Врата, через которые Клара попадет в слепой мир без солнца, луны и звёзд, в царство дремлющей ночи, где земная твердь не осквернена жизнью. Это место служило идеальной тюрьмой. Клара была далеко не так глупа, чтобы тащить своего пленника прямо в Долину. Нет уж, ради такого случая Архимагу придётся слегка поразмять кости.

...Ну вот и готово. Давайте все сюда, ребятки!..

...Упругая тень взвилась в воздух, бесшумно испарывая плоть ночи. Клара успела разглядеть режущие воздух плавники-крылья (точь-в-точь как у ската), сжавшийся в двойное кольцо шипастый хвост, усеянный отливающими синевой иглами, пучок шевелящихся щупалец, окаймлявших распахнувшуюся внезапно очень, очень широко пасть; за первой тварью тотчас же прыгнула вторая, за ней – скопом все остальные.

Воздух зазвенел от столкнувшихся в противоборстве сил. Клара успела разглядеть, как внезапно и резко распрямившийся хвост первой бестии рубанул по её незримой магической удавке; удар этот отозвался болью во всём теле волшебницы, её заклятье лопнуло; впервые на памяти Клары Хюммель тварная плоть живого существа оказалась способна преодолеть её, Клары, магию; рефлекс опередили разум, она сплела самое сильное, самое убийствен-

ное заклятье, неосознанно выбирая Стихию Огня, – и встретила летящую тварь потоком ядовитого, прожигающего любую броню пламени.

Огонь жадным языком слизнул чёрную плоть с гибкого, составленного из великого множества костей скелета. Несколько мгновений скалящийся череп ещё продолжал лететь по инерции, но затем натолкнулся в воздухе на второй слой Клариной защиты и горящей, рассыпающейся трухой соскользнул вниз, к подножию стены.

Клара мгновенно перенацелила заклятье на вторую атакующую тварь... но было уже поздно. Гибкий точно кнут хвост хлестнул её по ногам, рванувшиеся вперед щупальца впились в плечи; разумеется, остановить магию это не смогло, тварь вспыхнула точно так же, как и первая, но успевшая подлететь третья небрежно, одним касанием прорвала Кларину защиту и выдохнула ей прямо в лицо морозное облако какой-то сладковатой дряни.

В глазах у Клары взвихрился многоцветный звёздный хоровод, и она потеряла сознание.

* * *

...Фесс мгновенно понял, что он отрезан. Воин Серой Лиги остался один на заваленной телами людей и трупами Нечисти площади, и в спину ему упирался очень, очень злобный взгляд – из какой-то бойницы. Прозвучал беззвучный приказ – ни с места.

Впрочем, Фесс и так не собирался бежать. Впереди всё ещё продолжалась свалка, люди и Нечисть истребляли друг друга, источавшие смрад провалы больше не извергали потоки тварей, что заменили бы убитых. Фесс надеялся, что мельинцы выстоят.

А вот ему уже не уйти. Он на прицеле. Воин очень хорошо представлял себе, какие заклятья творятся сейчас в башне.

Последовал второй молчаливый бессловесный приказ – бросить оружие.

«А вот уж нет, господа хорошие», – подумал Фесс и усмехнулся как можно более гадостно, словно те, в башне, могли различить его ухмылку и прочесть его мысли. Он играл сейчас с огнём, но иного выхода у него не было. Придется рискнуть – или ему не миновать второго плена. И тогда ему уже будет не вырваться. Ему не подстроят побега, как в прошлый раз...

«Брось оружие!» – приказали ему из башни вторично.

Фесс согнул правую руку в известном всему свету непристойном жесте. И, сделав шаг в сторону, рухнул в чёрную дыру провала – за миг до того, как земля на том месте, где он только что стоял, вспучилась жгучим пламенным пузырьём.

* * *

– Мой замок, о Дочь Дану, – напыщенно и торжественно провозгласил Хозяин Ливня. – Войди в него. Будь гостьей. Та, чья длань осызала прославленный Иммельсторн, Деревянный Меч, всегда желанна в этих стенах.

Агата наконец смогла осмотреться.

Здесь, на восходном взморье, утро уже уступало место не по-осеннему яркому дню. Под ногами лежала иссиня-чёрная скала – без малейшего вкрапления иных цветов. И всего лишь в шаге от Агаты скала резко обрушивалась вниз тысячефутовой пропастью – далеко внизу кипела белая полоса прибоя, восточный океан в вечной ярости грыз чёрные кости земли.

За спиной Агаты не было никакой тропы или дорожки, не было ничего и впереди – одна только пропасть, глубоко врезавшийся в сушу узкий залив, какой на севере именуют фьордом. А на той стороне, венчая исполинский пик, словно чёрная корона, высился замок.

Тонкая центральная башня казалась нацеленной в самое сердце небес пикой; серп острых стен, вычурные рондоли с чёрными железными шатрами над ними – и нигде никаких признаков моста или ворот.

И над всем этим чистое голубое небо; никогда и не заподозришь, что здесь дом того жуткого создания, что повелевает несущими смерть тучами.

Гигант в древних доспехах высился за спиной Агаты.

– Что же ты медлишь, о Дочь Дану? – прогудел его голос. – Войди же! Старые стены ждут тебя!

Агата взглянула вниз и судорожно сглотнула, спеша скорее отвести взгляд. От одного вида распахнувшейся бездны становилось дурно.

«Он испытывает меня? Зачем?»

– Конечно! – раздалось за спиной. – Воистину ты догадлива! Замок должен принять тебя. Но содеет он это, лишь если ты сама превозможешь свой страх.

«Шагнуть через пропасть?» – мысленно спросила Агата, внутренне очень желая услышать, что ей предстоит всего-навсего перевестись с огнедышащим драконом.

– Шагнуть через пропасть, – с прежней торжественностью подтвердил гигант. – Догадка твоя верна, о Дочь Дану!

Это напыщенное «о Дочь Дану!» уже начинало надоедать Агате.

Шагнуть через пропасть... Легко сказать!

– Так и только так сможет замок Ливня понять, действительно ли ты та, о которой говорится в пророчествах Илэйны? Иначе напрасен весь труд мой, и всё терпение моё, и все жертвы мои напрасны тоже! Как и жертвы всех тех, что с жизнью расстались под Смертным Ливнем!..

Агата не в силах была отвести взгляда от ждущего её тела провала. Шагнуть? Опереться о невесомый воздух, зависнуть на миг – и рухнуть вниз; нет, нет, она не может, она не в силах!

– Можешь! – прогудело за её спиной. – Ты можешь и ты содеешь это, Дочь Дану! Сила, Сила, Сила ждет тебя впереди! Великая Сила! Покорная тебе Сила!

«Он покупает меня?!» – мелькнула отчаянная мысль.

Толчок в спину. И упругий удар ветра – прямо в лицо.

Хозяин Ливня просто толкнул её вниз.

Ветер толкнул обратно в горло рванувшийся было крик.

И в тот же миг ноги коснулись незримой опоры.

Агата шла над пропастью. А из-за спины доносился чудовищный хохот Хозяина.

Замок на вершине приближался с каждым шагом. Она останется там... останется, пока не овладеет Силой... пока не поймёт, в чем заключались пророчества Илэйны... и тогда вернется обратно могучей волшебницей; подобно весеннему урагану, она промчится над страной, над Auerthrin-d'Dhaan, Страной Весеннего Ветра, страной народа Дану. Её давно потерянной страной.

О, месть её не будет знать себе равных! Она прольёт потоки крови, она сотрёт все семь Орденос с лица земли, как презренную плесень, она вырвет Иммельсторн из их грязных рук, вернёт Деревянному Мечу былую славу и потом – когда её, конечно же, провозгласят королевой – укрепит его над своим тронном; и будет она править мудро и справедливо, и её прозовут Сеамни Великой, и долго ещё после её смерти, что неизбежно наступит когда-нибудь в отдаленном будущем, *хумансы* будут пугать детей её именем, именем Сеамни Грозной, Мстительницы.

...Она не заметила, как очутилась возле кольца чёрных стен. Пропасть осталась позади. Только теперь Агата почувствовала, что вся дрожит, а одежда на ней совершенно мокра от пота.

Камень перед ней внезапно сделался совершенно прозрачным. Прозрачным до такой степени, что непонятно было, воздух ли перед ней или же, шагнув, она столкнётся с невидимой преградой. Шестое чувство подсказывало Агате, что останавливаться нельзя, что это какая-то ловушка, очередное испытание, непонятно зачем устроенное Хозяином Ливня.

Она шагнула, невольно зажмуривая глаза. Ничего. Ещё один шаг, и ещё – вокруг потемнело, на девушку упала тень. Стены вновь стали прежними, угрюмыми и чёрными.

Замок был невелик. Едва ли пятьдесят шагов отделяло Агату от противоположной стены. Тонкая башня, сейчас особенно сильно напоминавшая вонзённую в небо пику, одиноко возвышалась посреди мощёного двора. Больше никаких построек тут не было – настоящие замки возводят совсем не так, но какое дело было Хозяину Ливня до всех и всяческих правил, если он сам устанавливал для себя любые законы?

И сам Хозяин – лёгок на помине! – уже стоял на пороге башни. В отличие от стен тут имелись нормальные двери – тяжёлой кованой бронзы, все покрытые причудливым литьём. Люди и чудовища, драконы, эльфы, гномы, обитатели пучин – тут были все. Сражающиеся, пирующие или просто мирно беседующие.

Когда такое было, чтобы Дану мог спокойно говорить с гномом или орк – с эльфом? Такое, наверное, случалось только в сказочные времена.

– Входи, о Дочь Дану, – прогрехотал великан. – Входи же!

И Агата вошла.

* * *

Лес ещё не оправился, ещё не ожил после секущих ударов Смертного Ливня. Словно не веря в окончание бедствия, всё живое продолжало прятаться по логовам и укывищам, не решаясь высунуть наружу и носа. Сидри шагал через чащобы один-одинёшенек. Впрочем, гном не сильно страдал от этого.

Как он и ожидал, хумансы особо мешкать не стали. Едва только стих перестук несущих смерть капель, старатели тотчас покинули лагерь. И наверняка двинулись вглубь от Главных ворот переживавшие там лихую пору охотники за самоцветами. Так что гном убрался с их дороги как раз вовремя.

Похоже было, что его не заметили. Больше всего Сидри заботили дозорные маги Радуги, что несли стражу в привратной башне; однако миновал день, наступило следующее утро, а никакой погони он не почувствовал.

Сидри долго боялся даже думать о такой удаче, не то что поверить в неё. Он оставлял позади мило за милей, держа горы по правую руку, не рискуя забираться в гибельные болота.

День сменился ночью, ночь уступила место дню; Хребет Скелетов начал сворачивать на полдень, тесня зловонные трясины. Узкая полоска предгорных лесов расширилась, появились звериные тропы. Гном безостановочно шагал и шагал.

И никто так и не попытался его остановить.

Миновала неделя. Теперь Сидри шёл почти точно на юг; он мог бы перевалить через сделавшиеся здесь низкими и пологими горы, но тропы через Хребет Скелетов маги всегда сторожили очень бдительно, и Сидри решил не рисковать. Его мешок с провизией показал дно, однако гнома это совершенно не заботило. Он знал, что конец пути близок, и это поддерживало его лучше мяса и хлеба.

...Гном обогнул очередной лесистый холм. Ему показалось, что на вершине смутно виднеется нечто вроде одинокой башни; как всегда в таких случаях, Сидри избрал обходной путь. Про себя он не переставал дивиться, куда же делись те маги, что напали на них, когда они, тогда ещё втроём, пробивались вовнутрь. Опытному волшебнику ничего не сто-

ило засечь след гнома, даже если этому следу было больше недели; так почему же вся Радуга так и не помчалась за ним?..

– Сидри Дромаронг? – раздалось внезапно у него за плечами. – Мы ждали тебя по велению Каменного Престола!

Двое гномов в полном вооружении, в глухих шлемах и длинных кольчугах-бахтерцах стояли по обе стороны тропы. Оба держали наготове боевые топоры. Нагрудные пластины и шлемы украшала сложная вязь рун, инкрустированных золотом по воронёной стали.

– Эрл Хродар Хенсаронг, эрл Китар Хенсаронг.

Сидри почтительно поклонился. Двое братьев-эрлов числились среди ближайшей свиты Каменного Престола и славились как непревзойдённые воители.

– Успешен ли был путь твоей секиры, Сидри Дромаронг? – прогудел из-под забрала Хродар, старший из братьев.

– Успешен, о эрл, – ответил Сидри, кланяясь в знак уважения, но отнюдь не низко, соблюдая достоинство того, кто принес Алмазный Меч.

– Твои слова есть истина, пока Горы не скажут нам обратное. – Китар торжественно поднял руку в кольчатой рукавице. – Мы горды проводить тебя домой. Каменный Престол и весь народ гномов с нетерпением ждут вестей. Мы отправим вперед гонца.

– Нет, нет! – испуганно перебил эрла Сидри, от страха забыв даже об этикете. – Гонца могут перехватить...

– Этого гонца не перехватишь, Дромаронг. – Хродар тяжело взглянул на Сидри. Гордый эрл не привык, чтобы в его словах сомневались. – Сейчас ты убедишься в этом сам.

Над лесом взвился столб дыма. Братья-эрлы, не мудрствуя лукаво, избрали самый простой способ.

Ни Хродар, ни Китар ни разу не попросили Сидри дать им взглянуть на прославленный Драгнир. Алмазный Меч увидит свет в предназначенный для этого час, перед Каменным Престолом и избранными эрлами Подгорного Племени – чтобы потом никогда уже не знать ножен, до самого последнего дня, до дня окончательной победы, когда ненавистные *хумансы* будут сброшены в море – там, где их нога впервые осквернила землю Северного Мира, на Берегу Черепов.

* * *

Тави никогда ещё не спала так крепко, в то же самое время так ясно осознавая свою душу вне покоящейся плоти. Она отдала все силы без остатка, когда заставила на миг рассеяться вечную тьму подземелий. И теперь должна была бы спать как убитая, однако вместо этого...

...Она видела огонь, вздымающий свою рыжую гриву над огромным городом – чуть ли не над самым Мельином. Она видела странные пугающие тени, что крались вдоль самого края ночи, и тени эти казались подозрительно похожими на их козлоногого приятеля, встреча с которым стоила жизни Кан-Торогу.

Она видела жуткие сцены на улицах горящего города, видела пламя, пожирающее стариков в их постелях и младенцев в люльках. Видела мечущихся людей, разрываемых на части вырвавшимися из подземелий тварями наподобие собак, но с пастями аллигаторов, обитателей влажных джунглей жаркого юга – Учитель рассказывал о таких.

А потом её взор подёрнулся алым, и из этого облака внезапно проступила фигура священника – истерзанного, с изрезанным лицом, с торчащими кольями в мякоти рук и ног, теми самыми кольями, которыми Тави прибивала труп к земле, готовясь заняться некромантией.

Лицо несчастного было перепачкано кровью, рот приоткрыт. Он заговорил – но губы не двигались.

– Вот и свиделись, Тави...

– Чего тебе надо?! – чуть не поперхнулась она, даваясь неслышимым криком. – Возвращайся в обитель мёртвых! Тебе нечего делать среди живых! Даже среди их снов!

– Ты думаешь, что я мёртв? – Губы священника растянулись в кошмарном подобии улыбки. – Ты ошибаешься, волшебница. Ты убила меня... убила страшно, я умер второй, конечной смертью, но всё равно не до конца. Душа моя ныне в пыточных застенках Повелителя Мрака, что имеет отвратительный облик получеловека-полукозла, и его заплечных дел мастера уже готовят свой инструмент.

– Что тебе надо?! – срываясь, взвизгнула Тави.

Мертвец жутко осклабился.

– Тебя, – жизнерадостно сообщил он девушке. – Тебя, мою убийцу. Tobой заплачу я выкуп Тёмному Властелину и обрету наконец покой. Мои хвалинские братья обещали помочь мне в этом. Они согласились с радостью, потому что всё равно скоро умрут, как и всякая живущая тварь. Ибо приходят дни Великой Битвы, Спаситель готовится сойти с небес на землю, повергнуть окончательно мрак и судить каждого по делам его. И я возрадуюсь, когда услышу свой приговор!

– Что ты сказал... о Спасителе? – пропустив мимо ушей все обращённые к ней угрозы, ошеломлённо произнесла Тави.

– Близится час Последней Битвы. Как никогда близок он уже, – нараспев произнес мёртвый. – Ведомая всем притча о соломинке, что ломает спину верблюда; и кто знает, не моя ли первая смерть была той соломинкой, что высвободила Зверя из Бездны?.. Вспомни пророчества Илэйны, Тави, вспомни её пророчества. Два Брата уже обрели свободу, и теперь Богам осталось лишь расплавить мир и отлить его заново – в новой, лучшей форме, где не останется места ни злу, ни порокам.

...Тави проснулась в холодном поту. Никогда ещё посещавшие её видения не отличались такой яркостью и никогда ещё не запоминались так хорошо.

Она вытерла мокрый лоб. *«Стыдись, волшебница! Тебе ли бояться каких-то там снов! Пустое всё пустое. Пустые слова и угрозы, туманный отблеск твоего собственного раскаяния и сожаления. Так что пусть всё идет к воронам!»*

Она – она не отступит и не повернет назад. Она пойдет до конца, тем более что дорога к выходу теперь известна, и Тави больше ни за кого не отвечает, кроме себя самой. Всё, что ей осталось сделать, – это добраться до Вольных, её единственного дома теперь. А потом – потом она попытается разыскать Наставника. Это будет нелегко, но вполне достойно её. Он скажет, что делать дальше, – он всегда ей это говорил.

Сборы были недолги. Вскоре Тави уже шагала по тоннелям, уверенно ориентируясь даже в кромешной тьме. В заклитии Света она больше не нуждалась.

Ей казалось, она знает эти залы и коридоры уже много, много сотен лет. Она словно бы впитала, вобрала в себя память всех живших здесь поколений Подгорного Племена, цепко хранившую в себе каждый поворот, каждую развилку на пути к свету. Она шагала уверенно, не сбавляя шаг и не сбиваясь.

...Остались позади старые рудничные уровни, где давным-давно были выбраны все запасы железа, олова, свинца и меди; остались позади заброшенные мастерские, где кое-где ещё валялся позабытый впопыхах инструмент, на который не польстились алчные охотники за самоцветными камнями, подметавшие подземелья словно хорошая метла в поисках всего хоть сколько-нибудь ценного. Остались позади жилые пещеры, залы приемов, кладовые, возведённые на подземных водопадах мельницы, что до сих пор впустую крутили свои вечные колеса. Тави шла, не ведая усталости. До безумия хотелось как можно скорее увидеть солнечный свет, хотя девушка не могла сказать точно, ночь царит сейчас наверху или же день.

...Наконец бесконечный коридор закончился отвесной и гладкой стеной. Очередная замаскированная дверь; с замком Тави пришлось повозиться, открыть его без Сидри оказалось куда как нелегко. Пока она магией не заставила провернуться и встать как положено все без исключения шестерёнки, засов не поддавался.

И наконец...

...День, день, яркий день! И на небе – никаких следов Смертного Ливня! И птицы, ошалело носящиеся в обнажённых древесных кронах! И свежий лосиный след прямо у скальной подошвы!

Мир, мир, прекрасный и светлый мир!

Тави не удержалась – завопила во всё горло от восторга.

...И тотчас сама зажала себе рот. Где-то рядом таились враги. Где-то рядом в чащу вглядывались две пары внимательных глаз. Не требовалось много усилий, чтобы понять – они ищут... Сидри! Ну да, конечно же, Сидри! И притом они даже не слишком скрываются. Самонадеянны, однако, эти маги Радуги!..

Тави подавила первое желание ничком броситься в траву. Враги засели неподалёку, но её пока что не видели. Их заклятия были нацелены на то, чтобы найти гнома. Его и только его.

Двое магов караулили узкую, едва заметную тропку, что вилась вдоль самых подножий круто вознесшихся ввысь скал. Неширокая полоса леса отделяла горы от обширных трясин, где команде Тави пришлось пережить несколько не самых приятных часов. Собственно говоря, именно этой лесной полосой молодая волшебница и собиралась уходить на запад, к закатным границам Империи, где начинались владения Вольных.

И именно на этой тропе маги устроили засаду.

Тави почти не сомневалась, что это та самая пара, что преследовала их на пути в подземелья. Переждали где-то Ливень, проклятые, и вот, глядите-ка, уже на посту. Вот только зря вы ждёте Сидри, любезные. Сидри остался там, внизу, вместе с тайной своего похода. Вам её уже никогда не узнать, потому что даже трупа вы не получите. Сидри... Сидри уже далеко, в лучшем мире, он...

Она осеклась. Потому что в тот же миг её мысленному взору предстал тот самый Сидри Дромаронг, которого она считала погибшим и которого даже бросила искать; гном, оказывается, был жив-живёхонек, бодро шагал себе по лесной тропе, что-то фальшиво напевая под нос и не обращая никакого внимания на творящееся вокруг.

«Предатель! – беззвучно взывала Тави. – Ясно как день, этот треклятый гном просто прикрылся нами, как живым щитом, сделал свое дело и теперь преспокойно уходит – тоже, как и она, на запад, к поселениям гномов в изгнании. А что это за штука приторочена у него за спиной? Замотано в дюжину ветхих тряпок... но на то волшебнице и глаза, чтобы видеть сквозь подобное... Сейчас... сейчас... Ой, мамочка!..»

Через плотную ветошь Тави на миг ощутила яростный, безумный блеск Алмазного Меча. Это было как режущая яростная вспышка, как блеск гневной молнии; Меч словно бы кинул краткий косой взгляд на дерзкую.

И вот теперь Тави и в самом деле упала ничком, прикрывая глаза ладонью и судорожно шепча слова-обереги. Заключённая в Мече сила могла в считанные мгновения сжечь её, Тави, дотла со всем её магическим умением. Бурлящий в Мече гнев, что копился в нем бессчётные столетия, готов был вот-вот выплеснуться наружу – и тогда горе тем, кто окажется на его пути!

Так вот за чем Каменный Престол послал Сидри в подземелья; вот почему так легко – для гномов – согласился на запрошенную Кругом Капитанов цену; вот почему гномы отправили за величайшим сокровищем своей расы только одного воина – они прекрасно понимали, что лишние секиры привлекают ненужное внимание.

Тави могла лишь восхититься, насколько четко осуществлен был замысел. Гномы учили всё, кроме одного – Сидри не имел права погибать. Но с этим риском Каменный Престол вынужден был смириться.

Алмазный Меч... Тави припомнила смутные предания, что рассказывал Учитель, когда они проходили историю народа гномов. Величайшее оружие, когда-либо выходившее из рук подгорных мастеров. Громадный кристалл, выращенный из единого зародыша-песчинки. Оружие, при помощи которого гномы надеялись по-иному повернуть ход войны с Дану – войны, в ходе которой Подгорное Племя и народ Дану почти что полностью уничтожили друг друга.

Страшны и невыразимы словами были те обряды, что творились над Алмазным Мечом. И никто в целом мире не ведал пределов его сил, на что он способен в достойной держать его руке.

Или в НЕдостойной.

Тави настолько забылась, что не почувствовала даже, как внимание магов – судя по всему, так и не заметивших пока что Сидри, – обратилось на неё. Она не обращала внимания на медленно стягивающуюся вокруг неё магическую сеть, незримую и неосязаемую для простого смертного – но не для волшебницы её ранга.

...Она ощутила опасность, лишь когда путы начали затягиваться. И, не в силах сдержаться, заверещала, словно зажатая проходимцами сельская девчонка, которой заворачивают юбку на голову. Попалась! Попалась! Так глупо попалась!..

Сеть стягивалась ту же и ту же, отрезая все возможности пустить в ход магию. Нечто подобное испытывает, наверное, человек с зажатым ртом. Задышавшись, Тави собрала все силы и рванулась – раз, другой; всё напрасно. Силу взять неоткуда. Пленившее её заклятье было наложено очень умело – быстро и без суеты.

По щекам Тави текли крупные злые слёзы. Она, боевая волшебница, прорвавшаяся в самое сердце тьмы, одержавшая победу в том почти безнадежном бою, выбравшаяся на поверхность из каменных гробниц царства гномов, теперь барахталась здесь, спутанная по рукам и ногам, в ожидании своей судьбы.

Она не замедлила появиться в лице двух магов в одноцветных алых плащах. Арк – ну конечно же. Огненные всегда были сильны в Хвалине и его окрестностях. Оба волшебника были средних лет, бородаты, очень серьёзны и вовсе не казались торжествующими победителями.

– Но она одна! – воскликнул один из них, с седым клоком в угольно-чёрной бороде и длинным лицом с тонким прямым носом. – А где же гном? Вы говорили, она должна будет идти с гномом! И где он, я вас спрашиваю?!

– Не торопитесь, коллега, – сквозь зубы ответил второй, помоложе, отличавшийся необычным красновато-рыжим цветом не по годам густой бороды. – Думаю, это она нам сейчас и скажет.

Сохраняя абсолютно спокойное, сосредоточенное выражение лица, рыжебородый внезапно протянул руку, без всяких церемоний запустив её Тави за пазуху.

Его руке магическая сеть не препятствовала.

Всё, что оставалось Тави, – истошно завизжать. Что она немедленно и сделала. Правда, толку от этого всё равно не было никакого. Волшебник и не думал останавливаться.

– Имеет ли смысл, коллега? Нам нужен гном, – невозмутимо напомнил чародей постарше.

– Разумеется, имеет, коллега. Я предпочитаю допрашивать, когда некоторая часть моего тела находится *внутри* допрашиваемой, а не вне её, – точно так же серьезно ответил рыжий. – Таков мой метод. Как вам известно, коллега, я добивался определённых успехов.

– Да-да, разумеется, – вдумчиво кивнул первый.

– А вы сами, коллега? Не желаете присоединиться? – вежливо осведомился рыжебородый. Руки его уже успели расстегнуть Тави кафтанчик, обнажив грудь. Теперь эти руки возились с пряжками и крючками пояса.

– Я? О, только после вас, коллега. Да и к тому же... гм... мои предпочтения в отношении женщин...

– А-а, флагелляция? – догадался рыжий.

– Да-да, вы правы, дорогой коллега. После того как вы закончите, мы привяжем её к дереву, и вот тогда я...

– Конечно, что её жалеть, если потом её всё равно сожгут, – философски заметил молодой маг. – Ага, ну вот мы и у цели. О, какая прекрасная попка! Вашей любимой плетке будет где разгуляться, дорогой коллега.

– Вижу и предвкушаю. – Пожилой чародей нервно облизнул губы.

– А-а-а-а!!! – благим матом заорала Тави. Слезы хлынули уже в три ручья. Кажется, на сей раз она попалась... действительно попалась... и оставалось только одно – ждать, пока оба злодея не насытятся её телом; быть может, потом их заклятие ослабнет?

Тем временем рыжий стянул с неё штаны. Она последним отчаянным усилием попыталась сжать колени – напрасная попытка. Рыжий деловито уложил её на спину и нагнулся над ней, распахивая плащ.

– Советую вам поторопиться, коллега, – напомнил второй волшебник. – Гном может уйти далеко. Нам понадобится больше времени, чем планировал Верховный маг.

– Прекрасно понимаю ваши опасения, дорогой коллега... минуточку... А ну-ка... ух!..

– И-и-и-и!!! – завизжала Тави.

– Её визг ласкает мне слух, – стыдливо признался пожилой. – Люблю, когда они кричат.

– Ух... ух... ух... ух...

– И! И-и! И! О! – Всё, что осталось несчастной Тави, это издавать подобные бессмысленные звуки. Она чувствовала, как дурманиющей волной накатывает чужая магия, как мутится сознание; она понимала, что волшебники Радуги не станут прибегать к примитивной игре в вопросы и ответы, они просто выкачают всё, что им нужно, из её погруженного в транс сознания; не исключено, что выйдет она из этого трансa беспомощной полуидiotкой.

Скручена! Связана! Изнасилована!

Зажмурившись что было силы, она впиалась зубами в губу, прокусила её на всю глубину и отчаянно завопила от боли и в тот же миг вновь ощутила в груди знакомую тёплую искру. Она была очень слаба, эта искра, но она существовала, и Тави не раздумывая бросила заклятье.

Дико заорав, рыжебородый отлетел в сторону, низ живота заливала кровь; пожилой успел закрыться, по воздвигнутому им щиту в землю скользнул дробящийся поток разноцветных искр – разорванное и скомканное заклятие Тави.

Однако проклятая сеть всё-таки лопнула.

Рыжебородый маг всё продолжал орать, катаясь по земле и оставляя за собой кровавый след. Пожилой, изрядно побледнев, но не лишившись самообладания, вскинул руки перед грудью в классической позиции для атакующей магии. Тави чувствовала его Силу – чародей был опытен, и сейчас, конечно же, дело придётся иметь не с потоком чистой Силы.

Однако она ошиблась. Чародей использовал те мгновения, пока Тави копила мощь для второго удара, не для собственной атаки, а чтобы послать сообщение своим. Тави уловила его общий смысл, но ни сбить с курса, ни исказить послания уже не сумела.

Её атака стиснула мага тысячами невидимых щипцов, раздирая кожу, норовя добраться до глаз; однако и маг оказался непрост, он сохранил достаточно сил, чтобы вжать столько же крепчайших алмазных клиньев в смыкающиеся стальные челюсти.

Первый раунд закончился вничью, и Тави посмотрела на старого волшебника с некоторым уважением. Тот, конечно, был садистом и извращенцем, но свое дело знал крепко.

Тави пришлось потратить некоторое время, приводя себя в порядок. Маг использовал эти секунды как нельзя лучше. Земля под ногами девушки внезапно раздалась, открылся пышущий жаром провал, откуда к её щиколоткам потянулись десятки иссиня-чёрных уродливых лап – отвратительных пародий на человеческие руки.

Девушка отбила это венцом жёлтых молний. Маг ответил вихрем из мириад мельчайших стальных снежинок, каждая из которых резала точно бритва.

Рыжебородый тем временем затих и лежал лицом вниз не шевелясь.

Волшебник и Тави обменялись ещё несколькими выпадами. Наверное, дойди дело до предметной волшбы, презираемой чародеями Радуги, девушка одержала бы верх, но в тех заклетьях, что на языке Гильдии магов относились к категории «mind-casting», – силы оказались равны.

...Исход дела решил самый что ни на есть простой и грубый удар носком сапога в причинное место. Маг взвыл и повалился ничком. Тави с жестокой яростью размахнулась кинжалом и, пропустив мимо ушей запоздалое «пощади!», до конца дослушала предсмертные хрипы и бульканья старика.

Однако она знала, что маг успел подать весть своим. И это значило, что погоня не заставит себя ждать. У молодой волшебницы оставалось совсем мало времени, чтобы настичь Сидри и по-свойски потолковать с ним.

Рыжебородый чародей, похоже, был мёртв. Земля подле его тела вся пропиталась кровью. Тави усмехнулась, походя пнула труп сапогом и плюнула убитому на затылок.

* * *

В подземелье, где укрывался Патриарх Хеон с приближёнными, царила тяжелая тишина. Дело поворачивалось совсем не так, как хотелось бы Серым и как оно шло всю первую половину ночи. Шесть башен из четырнадцати удалось в конце концов взять; однако остальные пока держались, и держались крепко. Тагаты увязли в выплеснувшейся из катакомб лавине Нечисти, с трудом сдерживая её натиск. Фланговым ударом тварей удалось лишь остановить, но не отбросить. А за ордами Нечисти осторожно, как бы ощупью, двигались маги. Гонцы уже доложили Патриарху, что происходит с немногими воинами Лиги, имевшими несчастье ранеными или оглушенными попасть в руки чародеев. От этих известий стало не по себе даже привыкшему ко всему Хеону.

И ни одному из ночных воинов не удалось даже близко подобраться к покинувшим свои убежища волшебникам.

Патриарх нагнулся над подробным чертежом Мельина. Гонцы то и дело приносили новые вести, специально приставленный к чертежу слуга переставлял разноцветные фишки, отмечая положение сражающихся тагатов, восставших толп мельинцев, Нечисти и вообще всего, что передвигалось в городе. Имперские когорты увязли в лабиринте улиц сразу за Кожевенными воротами – точнее сказать, за *бывшими* Кожевенными воротами. На помощь от Императора рассчитывать не приходилось.

У Патриарха Хеона оставался в резерве один-единственный свежий тагат. Все остальные уже были введены в бой, понесли потери; следовало бы отвести их в безопасное место, но, увы, Нечисть, которую никто не принимал в расчёт, спутала все карты.

И всё-таки Хеон продолжал бороться. Серые держали в кольце четыре башни магов, ещё две штурмовали толпы озверевших от всех чудес нынешней ночи мельинцев; Нечисть удавалось пока сдерживать, к тому же немало тварей увлеклось охотой за безоружными горо-

жанами, истребляя всех поголовно, уже не ради еды, а чтобы только удовлетворить дикую жажду убийства.

Маги знали, кого пускать в город.

Однако ночь рано или поздно кончится. Днем Серые сражаться не любили; Патриарху Хеону надо было найти способ переломить ход сражения. Конечно, лучше всего для этого подошла бы парочка свежих имперских легионов; их можно бросить в лоб, пусть погибают, не свои, не жалко; а резервные тагаты, зайдя с флангов и тыла, довершили бы разгром.

Но пары легионов не было, имелась одна-единственная когорта, с боями берущая дом за домом, квартал за кварталом – и всё-таки продвигающаяся медленно, слишком медленно.

– Мэтр Ланцетник! – окликнул Хеон мага-ренегата. – По-моему, пришла пора привести в действие кое-что из наших трофеев. Нет ли у нас под рукой чего-нибудь подходящего? Например, чтобы загнать Нечисть обратно в катакомбы и запечатать выход – хотя бы на время?

– Есть, экселенц, – проскрипел Ланцетник. – Есть такой талисман, очень мощный, взятый...

– Подробности можно опустить, мэтр. Действуйте!..

Ланцетник повернулся, собираясь направиться к комнате, куда складывались добытые в башнях магические трофеи, когда из всех ведущих к подземелью коридоров внезапно раздалось какое-то шуршание, писк и топоток множества когтистых лапок по каменному полу.

Все окаменели. Звук этот мог означать только одно – Нечисть сумела прорваться и в эти, казалось бы, надёжно защищённые тоннели.

– Бегите, экселенц! – завопил Ланцетник, бросаясь к добыче. – Быть может, я...

Из переходов донёсся шум схватки. Охрана Патриарха не собиралась сдаваться без боя. Его приближённые тоже обнажили мечи, набросили на голову кольчужные капюшоны.

– Отходим! – крикнул Хеон. Разумеется, он не был бы самим собой, Патриархом Серой Лиги, если бы не имел в запасе пары потайных выходов. Верный Фихте уже нажимал рычаг, поднимая тяжёлую каменную плиту пола.

Веревающий зеленоватый клубок, ошетилившийся выпущенными когтями, ринулся из чёрной дыры прохода прямо в лицо слуге. Фихте взвыл и покатился по полу, пытаясь отодрать вцепившуюся в него тварь, шипастый хвост которой всюду хлестал его по шее и затылку.

Следом за первой из тоннеля ринулся целый поток бестий – зелёных чешуйчатых крыс, тонкий злобный визг повис в воздухе, смешиваясь с людскими воплями ярости и боли. Замелькали мечи, свистнули стрелы, бестии закувыркались по полу – окружение Хеона дорого продавало свои жизни.

Однако врагов оказалось слишком много. Весь пол в подземелье покрылся кровью, человеческая смешивалась со звериной, предсмертные стоны перемежались сдавленным писком и хряском разрубаемой чешуйчатой плоти; уцелевшие воины Лиги сражались по колено в крови, скользя на рассечённых телах, а поток крыс всё не иссякал.

Хеон рубился наравне со всеми. Патриарх сражался холодно и расчётливо, с обдуманной яростью, выверяя до волоска каждый удар. Он должен был продержаться. Пусть падут все остальные, пусть верный Фихте затих, полуразорванный, где-то среди мёртвых зелёных тел – он, Хеон, начнёт всё заново. Только бы ему выбраться отсюда!

Люди вокруг него падали. Несмотря на хорошие кольчужные доспехи, несмотря на то, что крыс они беспощадно истребляли десятками, Нечисть всё-таки брала верх. Когти и ядовитые шипы впивались в глаза, в щёки, в любое не защищённое сталью место, мелкие зубы ломались о плетение кольчуг, но всё-таки успевали прокусить врагу шею прежде, чем клинок прервал жизнь твари.

Среди всего этого хаоса Хеон внезапно увидел окровавленного Ланцетника; мэтр судорожно отмахивался ножом от наседавших на него бестий. В левой руке волшебник сжимал какой-то предмет размером с голубиное яйцо, такой же формы и мягко светящийся голубоватым.

– Нет, мэтр!!! – только и успел крикнуть Хеон.

Ланцетник упал на одно колено. Целая волна крыс опрокинула его, терзая и разрывая на части; однако из-под этого жуткого покрывала, зелёного и шевелящегося, внезапно поднялась человеческая рука, обглоданная кое-где почти до кости и покрытая чёрными кислотными ожогами. Судорожно скрюченные пальцы сжимали талисман, и он уже не светился голубым. Цвет его сделался совершенно чёрным, послышалось гулкое «буммм!», словно ударил исполинский колокол, и из треснувшего яйца-зародыша во все стороны рванулся поток всежигающего пламени.

– Не на... – успел выкрикнуть Хеон, прежде чем огонь охватил его.

Правда, смерть Патриарха была быстрой.

И он так и не увидел, как хлынувшее между ещё живых пальцев Ланцетника пламя кипящим потоком ринулось по всем тоннелям и переходам, выжигая дотла всё живое. Огненные стрелы неслись сквозь тьму, и везде, где они настигали Нечисть, вспыхивал очередной погребальный костер. По всей паутине катакомб мчалось это пламя, рвалось на поверхность, и по улицам Мельина один за другим начинали бить огненные фонтаны, довершая начатое закланиями Радуги.

Вспыхнуло всё, что ещё не горело и что могло гореть. Чёрный Город в мгновение ока обратился в сплошное море пламени. Зарево поднялось до самых звёзд, в единый миг стало светло как днем. В огненном аду, сторая, метались люди и твари, в единый миг позабыв о вражде. Нечисть тоже хотела жить – но вырвавшиеся на поверхность пламенные стрелы искали и находили её повсюду, от них невозможно было укрыться, от них нельзя было бежать, с ними нельзя было сражаться.

Оставалось только умирать.

Пламя разделило сражающихся, отрезав магов от их добычи, горожан и легионеров – от волшебников; огонь прорвался наружу прежде всего там, где тагаты Хеона продолжали биться с напирющими тварями, и потом уже всюду, где начали рушиться, не выдерживая напора пламени, древние каменные своды; разверзающиеся провалы поглощали целые кварталы.

Рухнули даже три башни Семицветья – из числа ещё не занятых Серыми.

Ланцетник сумел отомстить за себя.

* * *

Огненный вал не застал когорту Аврамия врасплох. Легат успел почувствовать чудовищный выплеск магической силы, уловил «запах» рванувшейся в наступление стихии огня – и скомандовал пожарную тревогу. Ничего лучшего в тот миг он сделать просто не мог.

Легионеры попятились. Впереди них во множестве мест из-под земли рванулось пламя, выворачивая каменные плиты, разнося стены, обрушивая дома; устремившаяся было в наступление орда Нечисти горела, твари в предсмертных судорогах носились кругами или катались по земле в тщетных попытках сбить пламя; с них огонь устремился вверх по стенам и кровлям, заскакал по чердакам, и то тут, то там стали слышаться дикие вопли угодивших в огненную ловушку магов-бойцов. Далеко не все из них могли открыть проход в порождённом чарами Радуги пламени.

Легат приказал трубить отход. Нечего было и пытаться наступать сквозь этот разверзшийся ад.

Легионеры помогали бежать и немногим горожанам, всё ещё остававшимся здесь. Несчастные выскакивали из домов, едва успев схватить в охапку детей да кое-какие вещи, а иным не удавалось и того.

За спинами отходящей когорты пламя пело победную песнь.

* * *

Белый Город пострадал существенно меньше. Маги выпустили Нечисть на свободу именно в Чёрном Городе, и потому в Белом к уже имевшимся добавилось лишь пяток пожаров.

Император ждал, пока легаты и центурионы приведут в порядок когорты. Победа была полная – они взяли все три подворья, и тела по-быстрому казнённых магов валялись на камнях, в лужах крови. Не пощадили никого – Император знал, что заразу надо выжигать калёным железом.

Если, конечно, не воспользоваться магией.

Две когорты потеряли в общей сложности около пяти десятков легионеров. Ничтожная потеря для такого боя, когда враг может испепелить тебя за версту, а ты должен обязательно добежать на расстояние удара мечом.

Император ждал. Раскалившийся до почти невыносимого перстень с чёрным камнем на его руке медленно остывал. Однако Император не смотрел на камень, где медленно угасала, закрываясь, пара чьих-то алых глаз; его взоры оставались прикованы к белой латной перчатке.

...Когда уже поднятая на копья волшебница, дико вскрикнув, метнула в него ветвящийся пучок молний, он неосознанно успел лишь вскинуть левую руку. И способное навыворот прошивать скалы заклятье разбилось, словно волна о камень, о спокойное белое мерцание странного подарка. Вся сила удара ушла в землю, оставив в ней дымящуюся воронку глубиной в полтора человеческих роста.

Миг спустя волшебница умерла на копьях, но перед глазами Императора до сих пор стояло её молодое лицо, искажённое уже не от боли и предсмертного ужаса, а от неопишемого удивления.

Последний взгляд умирающей был устремлён на белую латную перчатку.

«...Куда как непросто был этот дар, и кто знает, к чему стремится, к чему может быть приложена скрытая в нем сила?»

Но сейчас всё это неважно. Маги нанесли-таки удар по Чёрному Городу, – с глухой яростью думал Император, глядя на бушующее зарево. – Не многие ж там уцелеют... Авракий... Хеон... все остальные... просто жители, исправные налогоплательщики, верившие в своего Императора – который сам же и навлек на их голову эту беду».

Двигать когорты в огонь Император не мог. Не знал он и заклятий, способных утишить пламя. Оставалось только одно – держать оборону, не давая огню прорваться в Белый Город.

Правда, едва ли маги позволят ему это.

Император никогда не верил ни в удачу, ни в судьбу. Стечение обстоятельств – оправдание труса или слабого сердцем, не способного идти до конца. Сегодня ему не удалось одержать верх – значит, он будет сражаться дальше.

«Вы слишком мягкосердечны, принц, – кажется, так говорила когда-то нестареющая Сежес? Что ж, ты хорошо воспитала меня, ведьма. Пожинай теперь сама эти плоды».

Легаты спешили с докладами. Всё в порядке, подворья обысканы, всё сколько-нибудь ценное собрано, когорты готовы двигаться дальше. Убитые оставлены на попечение мортусов.

Император резко кивнул. В Белом Городе ещё целых четыре подворья магов, и едва ли они...

Он не закончил мысль. Подбежал запыхавшийся дозорный, едва успел вытянуться и стукнуть кулаком о кирасу, отдавая честь, и выпалил единым духом:

– Маги! Идут... От подворий... Много. Там, там и там, – он показал рукой. – Кирила убили... А я мага из арбалета прострелил – и дворами, дворами!..

«Он не врёт», – подумал Император.

– Как тебя зовут? – спросил он, вглядываясь в лицо солдата.

– Фока я, мой Император.

– Я запомню тебя, Фока. Твоя награда ждёт тебя, а пока возьми вот это. – Император снял с пояса одно из украшавших его золотых колец. – Когда всё кончится, сможешь славно погулять. – И он дружески хлопнул воина по плечу.

– Никак нет, мой Император! – отчеканил легионер, вытягиваясь ещё больше. – Я никогда не продам...

– Ладно, ступай, – махнул рукой Император. Бурные выражения верноподданнических чувств он недолюбливал. – Посмотрим, всегда ли ты так же хорош, как показал себя сейчас.

Совершенно одуревший от счастья, легионер по-уставному повернулся кругом и побежал прочь, придерживая висящий за спиной арбалет.

«Маги не стали ждать, пока их окружают. Что-то заставило их выйти из-под защиты стен и искать боевой удачи на улицах Белого Города. Почему? Отчего? Оттого, что три подворья пали одно за другим и никакая магия не смогла остановить порыв легионеров?»

Император вновь, в который уже раз, пристально взглянул на белую латную перчатку. *«Неужели это ты помогаешь мне, неведомый дар? И опять же – почему и отчего? Какая и кому в этом выгода, кроме меня? У Радуги есть ещё один враг? Тогда это хорошо, потому что, как известно, враг моего врага – мой друг».*

– Мой Император, они уже близко. – Сулла деликатно кашлянул, выводя своего повелителя из задумчивости.

– Разворачивай стрелков, второй легат. Если ты сумеешь удержать их до моего сигнала, обратно вернёшься уже полным легатом.

Сулла криво ухмыльнулся.

– Понял, мой Император. Пусть повелитель не сомневается – Сулла вернётся назад до сигнала только мёртвым.

Зазвучали слова команд. Манипулы развернулись фронтом навстречу магам, арбалетчики заняли верхние этажи, крыши и чердаки; к легионерам присоединилось и немало простых обитателей Белого Города – вид пылающих кварталов Чёрного Города мог обратить против Радуги кого угодно.

Однако здесь собирался народ не чета бедноте из-за стены. Бывалые центурионы, посевшие в походах, урядники городской стражи, выслужившиеся легионеры – они пользовались привилегией увольняться со службы вместе с оружием и сейчас, как встарь, собирались к легионным значкам, с особым шиком салютуя легатам.

Их было уже больше двух сотен, и они продолжали прибывать.

Император сжал левый кулак. *«Ну, таинственный дар, неважно, откуда ты явился, из света или из тьмы, оружие ли ты хаоса или порядка – готов ли ты к бою?»*

И насмешливый, одному Императору слышимый голос ответил – четко и внятно: «Сейчас и всегда, человече!»

Глава четвертая

Из башни били прицельно – кто-то из волшебников развлекался пусканием огненных стрел по живой мишени. Уйти Фессу не давали – стоило ему приблизиться к столь желанному устью улицы, как дорога перед ним взрывалась клубами огня. Конечно, держи Фесса на прицеле только один волшебник, воин Лиги ушёл бы легко; он вырвался бы, окажись стрелков двое, трое или даже четверо; но в башне, судя по всему, засело самое меньшее две дюжины опытных и бывалых магов. Они не совершали ошибок и не покупались на нехитрые финты. Они развлекались игрой с человеком – массовое истребление им уже прискучило, хотелось чего-то нового, и упрямо цеплявшийся за жизнь Фесс подходил для этого как нельзя лучше. Он прыгал через мёртвые тела, то падал, то вскакивал, перекатываясь через плечо, уходя от настигавших его молний отчаянными длинными прыжками, когда тело вытягивалось параллельно земле точно в полёте. Он кружил вокруг башни, стараясь беречь силы и дыхание – в надежде на чудо.

...И когда все до единого провалы на площади дохнули огнём, куда более жгучим и яростным, чем устремлённые в него, Фесса, молнии, он понял – вот его шанс.

...Он обернулся в последний миг – да так и замер, поражённый до самой глубины души. Башня, несокрушимая башня волшебников Радуги, медленно оседала, проваливаясь вглубь, словно сама земля разъялась под её фундаментом. По стенам бежали трещины; часть с грохотом обвалилась, открывая внутренности – перекрытия, лестницы, балки; из накренившегося, словно корабль в бурю, здания начали выскакивать фигурки людей. Из-под подошвы башни взлетали вверх огненные струйки, словно строение тонуло в полыхающей жидкости.

Фесс хищно усмехнулся. Одним движением вытер мокрую от пота рукоять глефы и, лавируя между фонтанами рвущегося из-под земли огня, ринулся к башне.

Пришла пора воздать должное за свои нелепые прыжки.

Он ощущал напор чужой силы, но неистовое, уже опалившее ему лицо пламя само, окатывается, разрушало атакующую мощь изощрённых боевых заклятий. Правда, напор огня быстро спадал, на площади отвратительно пахло палёным; маги вот-вот опомнятся и примутся за него всерьёз.

Наполовину обрушившаяся, башня тем не менее устояла. С одной стороны громоздились кучи битого камня, поднимаясь аж до третьего этажа, и по этим осыпям, балансируя, сейчас спускалась цепочка людей.

Фесс не стал метать ножи или заточенные звездочки. Нет, с этими он разберется иначе – «честным клинком, к лицу лицом!». За его спиной дальше и дальше в город уходила волна пламени, без остатка пожирая немудрёные деревянные домишки мельинской бедноты.

«И после этого вы ещё хотите жить, маги? Сперва выпустили орду Нечисти, а когда это скорее всего не помогло, решили просто сжечь весь город со всеми обитателями!»

– А-а-аргх-х-х!.. – только и вырвалось из груди пожилого волшебника, помогавшего сойти с каменной груды совсем ещё молоденькой девчонке – тем не менее уже заслужившей право на одноцветный плащ.

Глефа вскрыла мага, точно нож хирурга или бальзамировщика, от горла до самого паха. Фесс увидел широко раскрытые глаза девчонки, плещущийся в них ужас... и хотел было сдержать руку, но опоздал. Глефа сама, словно живая, на обратном ходу ткнула девушке под ребро своим вторым лезвием.

Жалящая пламенная стрела задела плечо Фесса, он зарычал от боли, нырнул, уходя от второго удара, – и длинное ледяное копьё взорвалось облаком радужных искр, впустую разбившись о камень.

Третьего мага он просто скинул в ещё не угасший провал – тот вцепился в рукоять глефы, пальцы свело судорогой, пришлось помочь ему разжать их при помощи ножа.

Четвёртого – разрубил напополам. Пятого – вернее, пятую – сбил на камни обухом клинка и каблуком раздавил горло.

Фесс поднимался по каменной осыпи, окружённый шелестящим облаком крутящейся стали. Шестой маг набросил на него было душащую невидимую сеть, и Фесс едва-едва успел метнуть с ладони остроконечную звёздочку, оборвав действие чар.

У него прибавлялось ран, он не обращал на них внимания. Камни за его спиной были все покрыты кровью; мёртвые тела лежали, раскинув руки, лицами вверх или же, напротив, ничком, словно в последнем тщетном усилии спрятаться от неотвратимого ужаса.

...Когда он добрался до ровного пола башни, за ним осталось четырнадцать трупов – из них половина женщин.

В ближнем бою маги уступали воинам Лиги – чтобы точно нацелить заклятие, нужно время. Командор Арбель имел его в достатке, окажись сейчас здесь он или маг его уровня, Фессу было б несдобровать.

...Что-то рвануло левый бок, обвилось вокруг груди; воин увидел прямо перед глазами распахнутую змеиную пасть. Заклятье было брошено мастерски, всё, что Фесс успел сделать, – это хлопнуть себя по левому рукаву; скрытый самострел – стальная трубка с пружиной внутри – плюнул железным оперённым шипом прямо в нёбо твари. Ногой Фесс опрокинул невысокую тощую фигуру... и уже поднимая окровавленную глефу, понял, что на сей раз убил мальчишку – не старше двенадцати лет.

И на этом всё как-то сразу кончилось. Уцелевшие маги бежали; куда – Фесс не успел заметить. Воспалённый разум не замечал пока ран и не чувствовал боли, но по левому боку текло что-то тёплое и липкое.

Пошатываясь, Фесс спустился с развалин. Вокруг полыхали пожары; страшная ночь не кончалась. Что вообще происходит в Мельине, где Император, жив ли он? Жив ли Патриарх – Фесс связан присягой, он не может уйти просто так, бросив Лигу.

Но сейчас надо было просто выбираться отсюда.

Закрываясь плащом от нестерпимого жара на пылающих улицах, Фесс упрямо пробирался к границе Белого Города. Живых на его пути уже не встречалось.

* * *

Агата сидела, откинувшись, в низком кресле, задрав ноги на табурет. Рядом с ней валялся распиленный рабский ошейник – наложенные на него чары оказались нипочем Хозяину Ливня. Пальцы Агаты медленно скользили по натёртой железом шее.

«И за это вы мне тоже заплатите, хумансы. Очень дорого заплатите. Вы, зловонная плесень на лоне матери-земли, вы, ошибка обленившихся богов, – бойтесь мести Сеамни Грозной!»

Кицум бы сказал, что это лучший номер, который ему когда-либо доводилось видеть на подмостках. Но, увы, старого клоуна тут не было, и Агата продолжала упиваться кровожадными помыслами. Другое дело, что все эти помыслы при ближайшем рассмотрении могли вызвать разве что смех своей напыщенностью и помпезностью.

Да, Кицуму нашлось бы над чем посмеяться.

Агату окружали голые иссиня-чёрные стены, такие же чёрные, как и весь замок Хозяина Ливня. С высоты исполинской горы было видно далеко окрест. Восточные хребты вздымались неистовым танцем застывшего камня, частоколом острых вершин, лишь слегка прикрытых сверху снежными шапками. Внизу на десятки миль тянулся непроходимый лабиринт ущелий и долин, безжизненных, безводных, где не росло ни одного дерева, а на востоке

простирался великий океан. Агата никогда не могла даже предположить, что морской простор может оказаться настолько беспредельным. Далеко-далеко, так далеко, что глаз бесслепен был различить грань меж небом и морем, лежал волшебный горизонт; каждое утро из-за него торжественно выплывал алый шар солнца, окрашивая словно специально собиравшиеся здесь легкие облака во все оттенки праздничного розового цвета.

Агата провела весь вчерашний день одна-одинёшенька, стоя или сидя у окна и глядя на волнующуюся морскую гладь. Далеко внизу пролегла тонкая белая нить прибоя – словно искусная мастерица аккуратными мелкими стежками намертво пришила друг к другу неразлучные море и землю.

Девушка народа Дану по имени Сеамни Оэтаканн слишком долго была лишена одиночества. Все годы проклятого рабства. И теперь наслаждалась каждым мгновением тишины.

Хозяин Ливня – своего настоящего имени он так и не назвал – не докучал ей и вообще не показывался на глаза. Невидимые глазу слуги доставляли яства и напитки – самые изысканные, какие только Агата могла себе представить. Полученную в башне Арка одежду Агата с омерзением спалила в камине при первой же возможности. И сейчас на ней было роскошное платье цвета молодой листвы, всё покрытое серебристыми росчерками. Чёрные волосы девушки украшала берилловая диадема – все драгоценности мира были доступны ей ныне, однако Сеамни выбрала то, что ей положено было бы надеть, отправляясь на первый в её жизни бал. Ничего лишнего ей было не нужно.

«Позови меня, когда почувствуешь, что устала от тишины, – сказал ей Хозяин Ливня. – Я думаю, что двух или трех восходов тебе будет достаточно».

«Как бы не так. Нужно провести долгие годы в рабстве у гнусных хумансов, чтобы научиться ценить одиночество». А увидев только один-единственный восход, Агата поняла, что ей не хватит ни двух, ни даже десяти.

Сам замок, похоже, был нежилым – тишь, пустота, никакой обстановки или предметов роскоши. «Ты сделаешь всё сама», – говорил Хозяин Ливня. Но это потом, потом, после того как она отдохнет...

А что, если в это время имперские легионы уже подходят к Бросовым землям? – вдруг обожгла её страшная мысль. Агата замерла, не в силах пошевелиться. Она НЕ выполнила приказ магов Арка! Хозяин Ливня НЕ убит, и его меч НЕ принесён в башню Красного Ордена!

«Так что помешает магам теперь двинуть войска вперёд? Мама... отец... что будет с ними, что будет с остатками народа Дану, которые ты так хотела спасти, Сеамни Оэтаканн?»

Она почувствовала, как покрывается потом. Хотелось вскочить, куда-то немедленно бежать, что-то немедленно делать; как она могла забыть о ТАКОМ?!

Агата вихрем вылетела из комнаты, очутившись на неширокой галерее, что вела вокруг центральной винтовой лестницы. Где же искать Хозяина? Где он может быть?..

Сеамни неосознанно выбрала себе покои на самом верху, под крышей башни. И теперь бегом бросилась вниз.

Второй ярус. Пустые комнаты, голые стены, никого и ничего. Дальше, дальше!

Третий ярус. То же самое.

Ступеньки сами ложились ей под ноги. Она летела, не чуя под собой опоры. Ниже, ниже, ниже!

Пустые ярусы один за другим оставались за спиной. Агата с разбегу миновала самый нижний, где были выходившие во двор двери; лестница вела дальше, в подвалы; там девушка ещё ни разу не бывала.

Воздух изменился. Стал как будто бы гуще, спёртей, тяжелей; и Агате показалось – она чувствует кислый привкус Смертного Ливня. Со всех сторон надвинулась темнота; на стене девушка увидела факел, воткнутый в ржавое железное кольцо.

Откуда здесь факелы? Да и зачем они, если наверху замок отлично обходится без них – несмотря на то, что на пронзавшей башню сверху донизу винтовой лестнице окон не было совсем?

Изменились и сами стены. Они внезапно обрели вид донельзя древних, потрескавшихся, с пятнами мха, с сочащейся по швам водой (откуда она здесь, если замок стоит на высоченном горном пике?); ступеньки стали стёртыми, точно по ним ступали бессчётные тысячи ног.

Агата замешкалась. Куда она идёт? Ведь, наверное, достаточно просто позвать Хозяина – мысленно, без всяких слов?

Она попыталась. Ничего. И лишь снизу, из тёмной глубины, куда вела, свиваясь бесконечными кольцами, каменная лестница, донеслось нечто наподобие ударов молота о наковальню. Очень-очень глухих и далёких.

Агата продолжила спуск. Теперь она уже не бежала, она осторожно шла, касаясь стены рукой, – камни ступеней стали предательски неустойчивы.

Кислый запах всё усиливался и усиливался. Агата закашлялась – что же будет дальше? Она просто не сможет идти!

Однако она смогла. Из глаз беспрерывно текли слёзы, горло душил кашель – она спускалась. В воздухе сгустился туман, мглистое марево, в котором угрюмо и смутно маячили блёклые пятна факелов. Вскоре Агата уже с трудом могла различить собственную вытянутую руку. Что же будет дальше, как она станет искать Хозяина?

«Стыдись, – сказала она себе. – Ты прошла огонь и воду, ты ускользнула из-под Смертного Ливня, в твои, именно в твои руки отдан был Иммельсторн; так неужели ж ты отступишь сейчас, когда всё, что от тебя требуется, – это спуститься по тёмной лестнице и слегка покашлять?»

На какое-то время это помогло. Однако потом стало только хуже. Намного хуже. Снизу доносились какие-то замогильные стоны, кислая вонь сделалась почти нестерпимой, Агате пришлось оторвать полосу от подола собственного платья, смочить в попавшейся луже и прижать к лицу – это принесло некоторое облегчение.

Потом к стонам и кислому туману добавилась целая армия злых, что-то постоянно шепчущих голосов. Казалось, они хором проклинаят её, Сеамни, предрекая ей невиданные горести и муки. На дне души ожил и зашевелился страх – хотя Агата и была уверена, что после всего пережитого ничто испугать её не в силах.

Оказалось, что очень даже в силах.

Девушка остановилась. Бешено колотилось сердце, каждый его толчок болезненно отдавался в межреберье, как будто там, в груди, бился в слепом ужасе о прутья костяной клетки насмерть перепуганный зверёк.

«Нет. Я должна идти дальше! И я пойду».

...Виток, виток, ещё виток – ноги устали спускаться, и Агата боялась даже думать, как же она станет выбираться из этих глубин. Туман, по счастью, больше не сгущался; однако пришлось несколько раз останавливаться и мочить тряпку в стекавших со свода струйках – без этого дышать было совершенно невозможно.

...А потом лестница кончилась. Перед Агатой в тумане смутно виднелось устье широкого тоннеля.

Пошатываясь, она двинулась туда. Удары молота и глухие стоны слышались теперь совсем близко.

...В зале туман чуть рассеялся, хотя дышать легче не стало. Исполинский зал тянулся во всех направлениях, насколько мог окинуть взор. Рыже-алые цепочки факелов уходили в бесконечность; в темноте смутно виднелись отблески огня на гладких, словно бы отполированных гранях, уходящих вверх, куда не мог дотянуться свет.

Агата взгляделась – впереди, шагах примерно в ста, из одной области мрака в другую тянулась цепочка странных созданий, частью смахивавших на зверей, частью – на людей. Двигались они странно, судорожными рывками, словно увечные или раненые. Да, впрочем, так оно и было – на теле каждого, неважно, зверином или человеческом, зияли страшные чёрные раны; Агате показалось, что кое-где даже обнажились кости.

Длинная живая цепь ползла и ползла унылой чередой; в этом монотонном движении было нечто завораживающее. Агата невольно подалась вперёд, пытаясь рассмотреть подробности.

– Выпью, выпью, выпью... – вдруг раздалось глухое бормотание – где-то там, далеко впереди. Послушное эхо исправно донесло до Агаты смягчённые и ослабленные отзвуки.

Она замерла. Неужели Хозяин Ливня?..

Сеамни попыталась повернуть назад – однако ноги не слушались. Они сами несли девушку вперёд, всё ближе и ближе к жуткой шеренге. Теперь уже стало видно, кто шагает в ней – упырь с напрочь сожжённым боком, кости черепа обнажены, одного глаза нет, вместо него – чёрная пустая дыра, крылатый вислюг, чешуя на боках и спине вся изъедена, словно его окунули в кислоту...

Кислоту? Ну конечно же, кислоту!

Агата замерла, поражённая своей догадкой. Тянувшаяся перед ней цепь была цепью жертв Смертного Ливня. Все, кого застигла и скосила широкая коса смерти и кто не попался на глаза Хозяину, шли теперь его мрачной подземной темницей, не то сами во плоти перенесённые в его замок, не то отражения их несчастных душ.

И цепочка эта шла навстречу самому Хозяину Ливня.

Обмерев, Агата шагала вдоль неё. Люди, чудища, Нелюдь – всё живое и хоть в малой степени разумное, застигнутое врасплох или под плохим укрытием, шагало теперь здесь, без малейшей искры разума в угасших глазах – конечно, у кого ещё оставались глаза.

Стараясь не смотреть на несчастных, Агата вновь почти бежала вдоль их казавшегося бесконечным ряда. По обе стороны возвышались какие-то постаменты из гладкого чёрного камня, не простые постаменты – девушка чувствовала устремленные на неё алчные взоры, слышала шёпот бесчисленных губ «выпью, выпью, выпью тебя!..»

Цепочка завернула за очередной такой постамент. В глаза плеснуло мелькание низких языков необычайно темного, почти что чёрного пламени. А на высоком каменном монолите, окружённом танцующими огнями, стоял Хозяин Ливня; у подножия горел костёр, сложенный из нагих костяков.

Агата едва не лишилась чувств от ужаса.

Вот закованная в ржавые латы рука внезапно и резко удлинилась, тянулась вниз, хватала очередную жертву за плечи и резко вздёргивала её вверх. В левой руке у Хозяина – его жуткий череп-фонарь. Когда зелёные клинки лучей упирались в лицо несчастному, пронзали голову насквозь, ещё уцелевшая кожа, мышцы, жилы начинали мгновенно чернеть, слезая с костей каплями зловонной чёрной жижи. На миг можно было заметить быстрое радужное сияние, исчезающее под краем рогатого шлема; зелёные лучи скользили дальше, освобождая скелет от плоти, – и вот в костёр падает новая порция пищи для огня.

Глухие стоны, что слышала Агата, – это те последние звуки, что издавала плоть обречённых, прежде чем перейти в ничто и бесформенной кашей, крупными чёрными каплями стечь на пол и затем, по выдолбленным в камне желобкам, – куда-то ещё дальше.

Пылающая сплошным огнем смотровая щель шлема поднялась. Нечеловеческий взор уперся в Агату.

– О! Ты уже здесь, о Дочь Дану! – прогрехотал чудовищный голос. – Ведомо было мне, что ты долго не усядишь в одиночестве и душа твоя взалкает действия. Это хорошо! Идём же, и скажи мне, в чём твоя нужда!

Агата судорожно сглотнула – Хозяин Ливня подхватил с пола ребёнка, человеческую девочку лет примерно восьми. Левая часть её лица была полностью, до кости, сожжена, зато правая отличалась невероятной, почти невыносимой для извращённого *хумансового* рода красотой.

– Таких особенно люблю, – невозмутимо заметил Хозяин Ливня, поднимая пылающий череп. – Но ты пока ещё не готова принять эту пищу, – благодушно объявил гигант, одним движением оказываясь подле Агаты. Нагой костяк ребёнка уже рухнул в огонь. – Хотя пройдет совсем немного времени – и ты уже не захочешь ничего иного.

– Н-не з-захочу?..

– Конечно. Души людские и не людские – истинная пища того, кто хочет обрести настоящее бессмертие, – напрямик пояснил исполин.

– Н-но я... я... Я пришла совсем не потому, а...

– Говори! Говори смелее, о Дочь Дану! Если это в силах моих, я постараюсь исполнить желание твоё!

– Я-а... я не могу говорить здесь...

– Тебя смущает моя трапеза? – удивился Хозяин Ливня.

– Да-а... – только и смогла выдавить из себя Агата.

Гигант некоторое время колебался. Оставлять столь приятное занятие ему явно не хотелось.

– Хорошо, о Дочь Дану, – наконец решил он. – Остальную добычу я прикончу завтра. Эй вы, сыть, завтра я приду за вами! Наслаждайтесь второй жизнью, сколь бы краткой она ни оказалась! Ха-ха-ха! – Он разразился бурным грохочущим смехом.

Агата содрогнулась. Сейчас перед ней возвышалось совершенно иное существо, нежели то, с кем она столкнулась в Друнге. Жуткое, ненасытное, злобное. Получающее наслаждение из мук и смерти живых созданий...

На этом месте своих размышлений Агата поспешно прикусила язык. *«Разве не ты помышляла о мести – мести всей человеческой расе? Этим хумансам уже отомстили – за тебя. Так почему же тебя это смущает? Ты хотела бы обрушить на головы человеческого рода худшие бедствия!»*

И что тогда на самом деле надо от меня Хозяину Ливня?» – подумала Агата, забыв о том, что великан способен читать её мысли, как открытую книгу. Однако тот ничем не ответил – то ли погружённый в себя, то ли решил не обращать внимания на её страхи и неуверенность.

Тем временем они вышли к лестнице. Начался подъём; вновь навалилась удушливая кислая вонь. Агата пошатнулась; будь что будет, дальше она идти не может!

Могучие руки оторвали её от ступеней. Миг – и она обнаружила себя сидящей на старом, покрытом ржавчиной наплечнике. Гигант размеренно шагал, ноги его поднимались и опускались с размеренностью часового механизма.

Агата обнаружила, что удобнее всего сидеть, ухватившись за торчащий сбоку шлема острый обломок рога какого-то давным-давно исчезнувшего чудовища. И, хотя после всего увиденного касаться чего бы то ни было на Хозяине казалось совершенно невозможным, Агата всё-таки положила ладонь на этот рог – тёплый, шершавый и как будто бы сам по себе живой.

Подъём занял куда меньше времени, чем спуск. Гигант шагнул сразу через несколько ступенек с быстротой скачущей во весь опор лошади.

– Так что взволновало тебя, о Дочь Дану? – прогудел Хозяин из-под шлема, когда они очутились в комнате Агаты.

Поневоле сбивчиво девушка принялась рассказывать.

– Ты можешь остановить их? – полным надежды вопросом закончила она. Сейчас ей не было дела до того, добро или зло стоящее перед ней существо; оно обладало Силой, и этим всё было сказано. Сейчас Агата попросила бы помощи хоть у самих богов Хаоса.

Хозяин Ливня долго молчал.

– Не в силах моих сокрушить мощь легионов Империи, – признался он наконец с мрачной торжественностью.

У Агаты упало сердце.

– Но ведь ты... ведь ты...

– Я повелеваю Смертным Ливнем, Сеамни. – Хозяин внезапно заговорил без вечной своей напыщенности. – Но я и раб своего служения. В этом замке рождаются несущие смерть облака... рождаются из разлагающейся плоти убитых тем же самым Смертным Ливнем. Ты видела, как это происходит, Сеамни. Потом некогда бывшее живой плотью выпаривается на жару – от огня, где горят кости. Облака эти копят долго, целый год, чтобы на единственный месяц обрести свободу и устремиться по раз затверженному, отмеренному в небесах курсу...

– Но в эту осень Ливень шёл всего неделю! – в исступлении воскликнула Агата. – Пошли его снова! Пошли его на юг! Пусть он упадет на головы хумансов как давно заслуженная ими кара!

– Повернуть Ливень на юг? – недоуменно повторил Хозяин.

– Ну да! Да! Да!!! Там никто не ждёт его, там нет столь прочных крыш и каменных убежищ вдоль дорог, там ты соберёшь обильную жатву, Сила твоя возрастет неизмеримо! – вскричала Дану.

Хозяин Ливня молчал. Тишина затягивалась, становясь просто невыносимой; и наконец Хозяин Ливня сказал – очень медленно и очень тихо, так, что Агата едва-едва разобрала его слова:

– Ты можешь повести Смертный Ливень на юг сама, о Дочь Дану.

* * *

Тави надо было как можно скорее убираться отсюда. Два трупа в одноцветных плащах говорили сами за себя. Не так много времени потребуется магам Радуги, чтобы разобраться что к чему и выслать подкрепление. А ей, Тави, нужно догнать этого проклятого гнома. Сидри придётся ответить за смерть Кан-Торога – и хорошо бы поставить этого подземного недомерка-предателя перед Кругом Капитанов. Тогда долг Тави перед мёртвым будет исполнен целиком и полностью.

Однако взять след гнома оказалось куда как нелегко. Что-то постоянно мешало, сбивало с толку, отвлекало внимание. Поневоле пришлось пустить в ход магию, что давало лишние шансы тем же волшебникам Радуги настичь её, Тави.

Но и магия не слишком помогала. Внутренний взор Тави неизменно натёкался на слепящий свет, целый сноп колющих и острых лучей, устремлённый ей прямо в глаза; размытая фигура Сидри мелькала за деревьями, и всё, что могла понять волшебница, – гном идёт в том же направлении, что и она, опережая её как будто бы совсем ненамного.

«Ну, погоди же, – взъеривала себя Тави. – Погоди же, ты... – и она добавляла в адрес гнома такое словосочетание, которое заставило бы покраснеть даже издававших виды корм-

щиков. – Прежде всего я выщиплю по волоску всю твою жалкую бородёнку, а потом...» «Потом» получалось весьма разнообразным, причём некоторым её задумкам позавидовали бы даже опытные палаческих дел мастера.

Осенний день угасал. Час проходил за часом, а почти бежавшая Тави до сих пор так и не догнала гнома. И, что ещё хуже, не видела она и его следов – обыкновенных, заметных глазу, а не магии.

«Куда же ты провалился, выродок?!» – бранилась волшебница, однако никакие ругательства не помогали. Сидри исчез.

«Нет, так нельзя», – остановилась Тави. Чего доброго, она может и в самом деле потерять гнома, дать ему скрыться с Алмазным Мечом, упустить самую драгоценную добычу во всём населённом мире – да она скорее сама отдастся в руки Семицветья, пусть её насилуют хоть всем Арком, если после этого она настигнет Сидри!

Зато когда Алмазный Меч попадёт ей в руки... О, это будет славная резня! Власть Семицветья рухнет, каждый сможет заниматься колдовством, маги будут сами вольны выбирать себе учеников и объединяться в Гильдии с Орденами, но никогда, никогда, никогда больше у них не будет никакой власти.

Власть, разумеется, останется только у неё, Тави. Хотела б она посмотреть, как Император сможет отвергнуть её условия, когда у неё в руках засверкает Алмазный Меч!..

А для этого надо всего лишь догнать коротконогого, почти ничего не смыслящего в магии гнома.

Но... скоро уже ночь; и где же Сидри?

Тави замерла. Так дальше продолжаться не могло; она должна понять, что происходит!

...Молодая волшебница не успела даже разложить все ингредиенты для действия предметной магии. Порыв горячего ветра обжёг щёку, небо над головой из тёмно-тёмно-синего стало внезапно лимонно-жёлтым, а из-за окружавших Тави деревьев стали одна за другой появляться фигуры в алых плащах; первым шёл рыжебородый волшебник, тот самый, которого она так опрометчиво посчитала мёртвым. Лицо его покрывала смертельная бледность, видно было, что каждое движение причиняет ему почти что невыносимую боль; однако он упрямо шёл вперёд. Его ненависть и жажда мщения окатили Тави жгучей волной; неудивительно, что маг ненавидел её так сильно – если принять во внимание, какой именно части тела лишило его заклинание молодой волшебницы.

Чародеи Арка не пожалели сил. Чтобы перебросить на такое расстояние целую орду магов, Орден должен был до дна опустошить свои кладовые Мощи; минет не одна неделя, пока чародеи Арка войдут в полную силу.

Тави не стала ждать, пока её свяжут по рукам и ногам. Она бросила заклятье, словно опытная вышивальщица вонзила иглу в свое рукоделие – с такой же точностью и аккуратностью.

Волшебница использовала одно из самых грозных, самых свирепых заклятий. Не огонь и не молния – потоки чистой Силы опытному магу легко отклонить, – не вызов полчищ ночных демонов – на это у неё самой не хватило бы ни сил, ни решимости, – но Смещение миров.

Эти чары относились к числу наиболее тайных и запретных. Они ни много ни мало разрывали на долю секунды саму ткань мироздания, сводя воедино различные миры, так что те, на кого это заклятье было направлено, оказывались в совершенно иных вселенных. И уж там они могли полагаться только на удачу – магия их родного мира не действовала в иных слоях реальности.

Это заклятье Тави берегла на чёрный день, когда её и впрямь окружают со всех сторон и не будет никакого иного выхода. Глупо было тратить его на тех двух магов – тем более что,

раз использованное, заклятье потом могло не отзываться и не срабатывать долгие недели и месяцы. Мироздание не слишком любит, когда его тревожат.

Ответом на её чары был многоголосый вопль ярости и отчаяния. Тут и там возникали вытянутые светящиеся конусы, скрывшие в себе подступающих магов Арка. Почти никто из них не успел отбить заклятие Тави – кроме двоих.

Одним из них оказался рыжебородый волшебник. Сила его ненависти одолела чары, ему даже не пришлось прибегнуть к противозаклятью – он просто раздвинул плечом светящиеся стены ловушки и пошёл дальше, прямо на сжавшуюся возле ствола Тави.

Вторым оказался совсем молодой маг; красный плащ он сбросил, оставшись в чёрной кожаной куртке, украшенной серебряными шипами. В отличие от рыжебородого этот обнажил меч.

Тави поняла, что надо бежать. Эта пара была смертельно опасна: рыжебородый – своим отчаянием, чёрный – холодным презрением и силой, немалой магической силой. Тави как на ладони видела его прошлое – низкое рождение, нищета и голод, случайно встреченный маг, что заметил в простолудине способности к чародейству, и вся последующая жизнь, проведённая в убеждении, что он не такой, как все, что он лучше и дворян, и простолудинов, что ему предназначена высокая судьба и нужно лишь не зевать, в подходящий момент ухватив птицу удачи за хвост.

Против двух таких врагов ей было не устоять. Сблокировать сразу два заклятья она бы не смогла; или, если бы чары начал творить рыжебородый, маг в шипованной куртке довершил бы дело мечом. И тут не помогла бы даже вся знаменитая школа Вольных.

Тави сотворила отвлекающий фантом и ринулась наутёк, под защиту облетевших стволов. Деревья никогда особенно не любили магов Радуги; конечно, стоила такая помощь немного, но всё же лучше, чем ничего.

Рыжебородый разразился чудовищными проклятиями. Тави исчезла с линии огня за долю мгновения до того, как волшебник дал волю тщательно выверенному и сбалансированному заклятию. Там, где только что стояла Тави, из-под земли вынырнули две пары чудовищных огненных клешней, вынырнули и защёлкали в ожидании обещанной добычи.

В этом беда всех сильных чар – они требуют точной привязки к месту. Впрочем, это заклятье отличалось изощрённостью – дымящиеся пласты земли отвалились, на поверхность выбралось существо, больше всего напоминавшее исполинского морского рака, вот только клешней он имел не две, а целых четыре. Свитое из тугих пламенных струй тело превышало добрых семь футов, и ещё на четыре фута вперёд тянулись многосуставчатые клешни.

Если бы маг накрыл Тави своим заклятием, её не спасла бы никакая защита.

Девушка бросилась бежать, петляя как заяц. Она не сомневалась, что сейчас в игру вступит второй маг, и потому старалась не оставаться на месте ни единого мгновения и ни в коем случае не бежать по прямой – это верный путь в магический капкан.

На бегу она чутко ловила мельчайшие биения магии, стараясь угадать направление атаки и характер заклятия. За спиной уже мелькала огненная спина выпущенного в погоню за ней чудовища, но сейчас это не слишком волновало Тави. Чудовище могло оказаться только приманкой, средством отвлечь её, в то время как главный удар последует совсем с другой стороны.

...Рак настиг её на берегу лениво текущего ручья с низкими, топкими берегами, сплошь покрытыми жёлтым мёртвым папоротником да поваленными гнилыми стволами. Тави легко перемахнула через поток, набрасывая за собой покрывало-обманку; рак со всего разгона вылетел за ней следом, защёлкал клешнями, судорожно засучил лапами; покрывало расступилось под ним, огненное тело провалилось в ручей, взметнулись клубы пара, а в них

Тави с торжеством увидела искажённую яростью полужвериную-полуптичью морду – пасть льва, а глаза и перья – орлиные.

Это был её излюбленный приём – когда на тебя выпускают чудовище, противопоставь ему своё. Подобные чары требовали очень хорошего знания необозримого магического bestiaria, потому что каждой твари требовалось противопоставить не просто кого угодно, а её и только её «истинного врага» – на языке магов.

Тави знала такого «врага» выпущенного на неё страшилища.

Тварь в облаках пара взвыла, зашипела и с размахухватила полупрозрачной лапой по рачьей спине, так что во все стороны брызнули капли жидкого огня. Ответом было разъярённое щёлканье клешней.

Чем закончится эта битва, Тави досматривать не стала. Схватки между «истинными врагами», как правило, приводили к гибели обоих противников. Она мчалась дальше, от всей души молясь сразу и Тёмным, и Светлым богам, прося о том, чтобы маги потеряли её след в поднявшейся неразберихе.

Впрочем, куда там. Оба её врага оказались для этого недостаточно глупы.

Они не стали пытаться вмешиваться в битву двух призраков. И рыжебородый, и маг в кожаной куртке перемахнули через ручей на разумно далёком от места схватки расстоянии. Отрыв от Тави они сократили – в отличие от девушки у них не было нужды петлять.

Тави чувствовала упорно сходящиеся на ней опорные магические линии создаваемого заклятия. Это вновь оказался рыжебородый; оно и понятно: второй маг ждёт её ошибки, ждёт, чтобы она сама атаковала магией, но такой глупости она не сделает. Сейчас Тави следовало лишь финтить, хитрить, отрываться да блокировать нацеленные в неё чары, дожидаясь, пока силы у обоих преследователей иссякнут, и уж тогда атаковать самой.

...Конечно, будь здесь кто-нибудь равный по силам тому убитому ею старику волшебнику, Тави б не колебалась. Но молчаливая, сосредоточенная и холодная мощь молодого мага просто пугала её. Он не тратил силы, он просто пытался настичь Тави мечом, а не заклятьем.

...Развязка наступила внезапно, когда лес давно и полностью погрузился в ночную тьму. Смертельная игра в кошки-мышки длилась уже несколько часов. Тави почти что выбилась из сил, она тяжело дышала, в боку прочно обосновалась тянущая боль; куртка на левом плече пропиталась кровью, на правом бедре появился ожог – не все нацеленные в неё заклятия она сумела отразить полностью. Дважды она пыталась напасть сама – и каждый раз только чудо спасало её от верной гибели. Тот, второй маг контратаковал молниеносно и донельзя опасно. Оба следа на Тави оставили как раз его заклятья. И в то время как рыжебородый постепенно слабел, как и рассчитывала Тави, его молодой напарник не выказывал никаких признаков усталости. Он всё сокращал и сокращал отрыв, готовясь к последнему, конечному рывку.

...Бесшумная, сливающаяся с ночью тень рванулась ей наперерез; зашипел рассекаемый мечом воздух; и в тот же миг сталь зазвенела о сталь. Тави выхватила собственный клинок.

– Давай, Рамиз! – крикнул голос из мрака. – Я держу её, давай же!

«Значит, рыжебородого насильника звали Рамизом».

– Осторожнее, Илмет! – завопил из зарослей рыжебородый. Голос у него был изрядно усталым. – Осторожнее, она шляется с Вольными!..

– Вот мы сейчас и проверим, какая школа лучше, – последовал ответ сквозь зубы. – Давай же скорее, Рамиз!

Тави зарывала, словно волчица, у которой отнимают волчат. Её взяли в клещи. Пока она отмахивается мечом, ей не сплести сколько-нибудь сложного заклинания. А защиту её прорвут любые, даже не самые хитроумные чары.

Взвизгнув, она взмахнула плащом, норовя зацепить и запутать клинок волшебника. Левая рука скользнула к голенищу, выхватывая метательный кинжал. Взмах, сталь звенит о сталь, и брошенный клинок отлетает в сторону, отбитый стремительным взмахом.

Тави опешила. Пожалуй, впервые в жизни она встречала противника не из расы Вольных, кто превосходил бы её умением.

– Ну же, Рамиз! – резко и зло крикнул Илмет.

Понимая, что ей осталось жить считанные мгновения, Тави слепо ринулась вперёд. Бок обожгла боль – меч Илмета распорол кожу и скользнул по ребру; она от души, без замаха ударила эфесом в лицо магу. Тот взвыл и на миг вздёрнул вверх свободную левую руку; в тот же миг Тави метнула в него самый что ни на есть простой огненный шар – файербол, заклятье, защищаться от которого учат совсем зелёных новичков, это вообще первое защитное заклятье, которое узнает неофит. Хоть сколько-нибудь опытный маг обратит на это внимания не больше, чем человек на одинокого комара.

Однако если застать даже бывалого волшебника врасплах...

Огненный мячик не больше обычной детской игрушки прожёт насквозь куртку, кожу, мышцы, рёбра и угас, лишь достигнув правого лёгкого. Илмет молча упал – не то мёртвым, не то просто лишившись чувств.

В следующий миг Тави прыгнула на уже приготовившего заклятье Рамиза. Меч столкнулся с магией, воля Тави словно сталь рубила нацеленные в неё чары, точно так же, как её меч рубил шею волшебника. Она чувствовала, как на миг её всю охватил огонь... и как заклятье угасло вместе с остановившимся сердцем Рамиза.

Задышавшись, Тави упала наземь, торопясь сплести отсекающее боль заклятье, – она понимала, что ранена, и ранена серьёзно. И понимала также, что если позволит себе «прилечь и отдохнуть», то скорее всего проснётся уже в руках волшебников Арка.

Шатаясь и припадая на обе ноги сразу, она пустилась бежать. Тави понимала, что ей лучше умереть от усталости, до предела напрягая посредством магии и сердце, и мышцы, и лёгкие, чем угодить в плен. Она лучше многих знала, как Радуга умеет мстить за своих.

* * *

Моя рука механически ползёт по чистому желтоватому листу тонковыделанной кожи. Несмотря ни на что, я продолжаю свою хронику. Когда-нибудь, верю я, найдется маг, мудрый достаточно, чтобы расшифровать тот язык, на котором я пишу, язык, звучавший в стенах Замка Всех Древних задолго до падения этой твердыни. Тогда ему пригодятся эти заметки, заметки о том, как весь мир внезапно оказался на грани полного уничтожения и отнюдь не потому, что нашёлся очередной Тёмный Властелин, одержимый подобной идеей, – нет, угроза возникла как бы из ничего, из стечения множества обстоятельств и из наложения множества Сил.

Козлоногая тварь, с которой я схватился в подземельях Хребта Скелетов, оказалась далеко не единственным неприятным гостем наших пределов. За ним последовали иные. Точно мясные мухи, привлечённые запахом гнили, твари слетались к агонизирующему Мельину, наслаждаясь эманациями людских страданий и смерти. Подобный способ добычи пропитания существами из демонических бездн отнюдь не есть что-то странное или удивительное; странным было то, что я не понимал ни откуда появились тут эти существа, ни чего они, собственно говоря, добиваются.

Их «козлоногий» облик оказался маской. Я ожидал чего-то подобного, но никогда не мог даже предположить, что действительная их природа окажется настолько отвратительна моему не слишком отличному от человеческого взгляду.

Я увидел этих тварей в действии, и открывшееся мне едва ли могло порадовать. Я оказался невольным свидетелем того, как полдюжины этих существ захватили в плен волшебницу, судя по всему – гостью из Долины; а надо знать этот магический анклав, свободное владение прирождённых волшебников среди и вне миров, чтобы отнестись к захватчикам как к более чем серьёзным противникам.

Но этого мало. Твари из тьмы, в конце концов, пока держались не на виду, предпочитая действовать чужими руками, а вот второй полюс Силы...

...Помню, что меня сморил короткий сон, когда это случилось. А потом в него ворвалось яростное пение десятков тысяч голосов, тучи рассеивались, из-за них рвались неистовые, гневные лучи света. Это напомнило мне... нечто из моего прошлого, которое я бы искренне хотел навсегда забыть.

Я увидел крошечную фигурку девушки, той самой, которую я спас от козлоногой твари. И видел склонившуюся над ней исполинскую фигуру, облачённую в золото и багрянец, с осяянным челом; от неё веяло холодной, строгой Силой, и всё-таки здесь она была слабее многих и многих магов. Не более чем посланец иных иерархий, подумал я. Для пришельца не оказались преградой каменные толщи гор; странными нитями, нитями ужаса и боли, он был привязан к ней, к этой маленькой волшебнице; хотел бы я познакомиться с её учителем, ведь это должен был быть могучий маг, и притом не из числа чародеев Радуги.

Посланец говорил – я видел лишь беззвучные отражения его слов. Он обращался не ко мне – и вся моя Сила не могла пробиться к смыслу его речений. Но и увиденного мне показалось достаточно.

Пророчества редко выглядят благоприятными; как правило, они предвещают лишь горе и бедствия. Этот посланец не оказался исключением. Правда, возвещал он приход таких иерархий, что даже мне стало не по себе. Откуда-то из совершенно иного измерения двигались они, эти силы, полные стремления судить и карать по своему усмотрению.

И это показалось мне в тот миг страшнее всех и всяческих козлоногих вместе взятых.

Девушка-Дану, которую я совсем недавно вывел из-под надвигавшегося Смертного Ливня, исчезла из моего взора – несмотря на внезапно и необъяснимо прекратившийся Ливень. В своё время я занялся бы этим и только этим; однако сейчас, после всего того, что я увидел и узнал, Ливень казался ничем или почти ничем не значащей мелочью.

И что я мог сделать, уже нарушив один раз установления Заточившего меня? Послать к воронам все и всяческие запреты – но кто знает, чем это обернётся, быть может, происходящее как раз и есть следствие моих опрометчивых поступков?

...Я писал. Потом я займусь делом. Я вызову духов, я буду говорить с ними, я буду пытаться отыскать ответы на путях высокого волшебства – и всё это лишь для того, чтобы заглушить свой собственный неотвязный страх.

* * *

Когорта Аврамия отходила в полном порядке, уступая напору разбушевавшегося пламени. Нечего было и пытаться что-то гасить – остановить огонь можно только на рубеже старой стены, что окружала Белый Город. Сложенная из камня, высокая и толстая, она едва ли так просто поддастся огню.

– Подтянись! Щиты плотнее! – то и дело слышались крики центурионов.

Пропитанный дымом, нестерпимо горячий воздух, чёрный ураган дыма за спинами; подхваченные вихрем, летят пылающие головни. Тут и там рушатся прогоревшие остовы домов; Мельин корчится в огненной агонии. К утру – знал Авраамий – от Чёрного Города не останется почти ничего.

Вместе с легионерами уходили и мельинцы – все, кому повезло вырваться из огненной западни, кого миновали зубы Нечисти и не задели боевые заклятья магов. Даже бывалые ветераны скрипели зубами, глядя на отчаяние матерей, чьи дети остались в пылающих руинах, или на чёрную ярость отцов, чьи сыновья и дочери умирали от яда подземных тварей.

И все как один проклинали магов.

Кожевенных ворот больше не существовало, когорта прошла свободно. До Белого Города огонь пока не добрался, пожары, что вспыхнули здесь, удалось сдержать, не дать им распространиться повсюду. Да и дома здесь были по большей части каменные.

Аврамий первым делом отправил гонцов с одним простым заданием – отыскать Императора и две его когорты, с которыми тот остался штурмовать подворья магов в Белом Городе. Когорта, конечно же, не остановилась – Авраамий слишком хорошо помнил судьбу Кожевенных ворот. Легат уводил своих солдат и прибившихся к ним мельинских повстанцев в глубь Белого Города.

Улицы здесь тоже были полны народа. Легионеров то и дело окликали – вопрос был один: что произошло? Тут ещё оставалось немало людей, кто искренне надеялся отсидеться, несмотря на надвигающееся со всех сторон зарево.

Им отвечали – обитатели Чёрного Города спешили выплеснуть всю ярость и гнев. Сам Авраамий шагал молча. Нельзя было оставлять стену... там можно задержать огонь. Впрочем, добровольные пожарные команды уже бежали со всех ног.

Вопрос лишь в том, подумал легат, позволят ли маги им это сделать.

Вскоре начали возвращаться гонцы. Императорская армия, как гордо именовались теперь три оставшиеся у Императора когорты,¹ сосредоточивалась у захваченных подворий Радуги.

Аврамий поднял бровь, выслушивая запыхавшегося гонца. Повелитель не стал наступать дальше. И, если когорты собирают в единый кулак, притом что Чёрный Город охвачен огнем и там не с кем больше сражаться, это значит одно – повелитель намерен прорываться прочь из столицы.

«Пожалуй, верно, – мысленно одобрил своего повелителя Авраамий. – Мельин обращён в развалины, запасы уничтожены, как и укрепления и арсеналы. Кроме того, сидя на одном месте, магов не одолеешь. Надо осаждать и брать башни Радуги одну за другой, пока не падут все семь... или восемь, если считать Бесцветный Нерг. Потом станет легче. Мешкать сейчас нельзя, в Мельине маги уничтожили собственные дома; на пепелище им делать нечего. Значит, война перекинется на окраины.

...И какой удобный момент для восточных мятежников! Какое подходящее время, чтобы оторвать от увязшей во внутренних смутах Империи ещё один кусок, ещё три-четыре провинции! И какой удобный момент для Нелюди, замыслий она сейчас настоящее восстание! Хорошо ещё, что кончилась война с Дану, а то неизвестно, чем бы она закончилась».

...Аврамий без всяких происшествий довёл когорту до войск Императора. Повелитель стоял, окружённый со всех сторон молчаливыми Вольными его личной охраны, и легат невольно ощутил укол ревности – Императора оберегали не люди, хотя и самые близкие к ним по виду и характеру. Аврамию пришлось бы больше по душе, если б стража повелителя состояла из обычных легионеров. Эти по крайней мере не предадут.

Капитан Вольных, словно прочтя его мысли, впери в лицо легата мрачный взор. Авраамий не опустил глаз. Ему нечего стыдиться.

– Говори, легат! – с силой произнёс Император. – Что произошло в Чёрном Городе? Откуда это зарево? Где Патриарх Хеон?

¹ половина легиона

– Повиновение Империи! – Авраамий чётко отсалютовал. – Моя жизнь в руках повелителя. Моя когорта не дошла до воинов Патриарха Хеона. Нам преградили дорогу маги, но мы прорвались, мой Император, трупы магов сосчитаны и доказательства собраны с тел, но потом нам снова преградили дорогу. Сперва вырвавшиеся из катакомб чудовища и иные твари, а потом огонь. Это было очень сильное заклятье, мой Император. Маги зажгли Мельин, когда поняли, что проигрывают. – Он сделал паузу и добавил, понизив голос: – Погибло очень много твоих верных подданных, мой повелитель.

– Знаю, – у Императора дернулся уголок рта. – Знаю, мой Авраамий. Что ж, за невыполненный приказ на сей раз карать не стану. Вину свою и своей когорты искупишь в бою. На нас идут маги, Авраамий. Разворачивай своих, пойдёте во второй линии сразу за стрелками. – Император поднял сжатый левый кулак, провёл пальцами правой руки по белой латной перчатке. – Мы примем бой. И потом будем прорываться прочь из города. Навкратий! Пошли глашатаев. Пусть все мои подданные, кто сохраняет верность присяге, уходят вместе с войском. Пусть глашатаи обойдут сколько возможно улиц, возвещая мою волю.

– Повиновение Империи! – глухо сказал немолодой центурион, командовавший двумя дюжинами императорских глашатаев.

Авраамий, не получив разрешения идти, по-прежнему стоял навтыжку. Император повернулся к нему.

– Ступай, мой Авраамий, ступай. Я знаю, твои люди выдержали тяжёлый бой... и я обязательно дал бы вам отдохнуть. Но не сейчас. На счету каждый меч. Нам предстоит справиться с полусотней магов Радуги.

– Повиновение Империи, – севшим голосом ответил Авраамий, отдал честь и поспешил к своим людям. Отдать приказ готовиться к бою, из которого ни один из них скорее всего не вернётся.

* * *

Отпустив Авраамия, Император смотрел, как легат легко, несмотря на тяжесть кованых доспехов и щита – командир когорты сам носил щит, не доверяя оруженосцу, – легко бежит к своим манипулам, как что-то командует и покрытый копотью строй чётко, как на параде, разворачивается, направляясь в глубь мельинских улиц.

Браво идут... и всё-таки в этом бою надежда, увы, не на мечи. А вот на эту латную рукавицу, словно вторая кожа облегающую сейчас левую руку Императора.

«Сейчас и всегда, человече!» – неотступно звенел в ушах ответ той неведомой Силы, что жила в этой перчатке.

Она будет сражаться за меня? За себя саму? Или за своего неведомого творца?

Впрочем, неважно. Маги приближаются. Сейчас всё и станет ясно.

Император стоял недвижно, точно статуя. И немногие окружавшие его сторонники, особенно из старых, выслужившихся ветеранов, перешёптываясь, находили в нём большое сходство с его покойным дедом, великим воителем, кто железной рукой подавил баронские бунты в западных и южных провинциях и едва было не воссоединил всю Империю – и точно воссоединил бы, кабы не козни всё тех же магов...

...Теперь всё можно было списывать на их козни.

...Когорта Авраамия скрылась за домами, уткнулась, словно ручейки талой воды, в трещины улиц; легионеры спешили занять позиции, прикрыть стрелков Суллы – и самим ждать момента для страшного и сокрушительного удара накоротке.

Подшли Фибул и Навкратий, за ними следом – дюжина центурионов и несколько десятских.

– Каковы будут приказы, повелитель? – Старый легат смотрел прямо и бесстрашно. Вся жизнь солдата – легионера, десятского, урядника, сотника, центуриона и, наконец, легата – проходит в убеждении, что умереть в своей постели для них недоступная роскошь. Наверное, потому в поблёкших с годами глазах читается сейчас такое неколебимое спокойствие и невозмутимость.

– Сулла продержится недолго, – отрывисто проговорил Император. – Его вскоре сомнут. Нам надо истребить как можно больше магов и прорываться из города. Здесь больше делать нечего. Забрать казну, имперские реликвии – и уходить. Фибул, возьми мою охрану... всю... и сотню своих ветеранов. Доставите сюда казну. Полагаюсь на тебя, старый друг. Ступай. Мы постараемся продержаться тут сколько возможно.

– Повиновение Империи, – спокойно отсалютовал старый легат. – Воля Повелителя священна и будет исполнена. Ручаюсь в том своей жизнью.

Фибул четко выполнил уставный поворот кругом и махнул рукой Ким-Лагу, командиру Вольных. Тот молча сделал знак остальным воинам.

– А теперь подождём... – проронил Император, когда небольшой отряд скрылся в ведущей к дворцу улочке.

Ждать пришлось совсем недолго.

Глава пятая

Когда Клара открыла глаза, первое чувство было – опасность. Боевой маг обязан чутко такое за милю. Чутко и избегать – или наносить сокрушительный упреждающий удар. Схватки грудь на грудь хороши на турнирах. В Гильдии боевых магов ценились чистые и быстрые победы, по возможности малой кровью среди сил нанимателя. Тьма казалась настолько плотной, что давила словно вода на глазные яблоки, заставляя болезненно щуриться. От жесткого пола тянуло холодом и сыростью; пахло нечистой водой, плесенью, старым камнем. Пахло здесь и смертью, а также существами, что любят лакомиться трупами.

Руки и ноги Клары были свободны. Правда, сама она – раздета донага.

Волшебница не шевелилась. Есть много чувств, кроме зрения, слуха, обоняния, вкуса и осязания. Простые смертные называют их все одним словом «шестое», хотя на самом деле чувств этих гораздо больше шести.

«Так, кажется, целая. Ничего не сломано. Ран нет. Это хорошо... А вот что плохо – так это сосущая пустота в груди, там, где у мага всегда теплится огонёк его Силы. Что такое?... Нет совсем, исчез, погас или?..»

Несколько томительных минут она вслушивалась в себя. Нет, хвала всем даймонам и богам, это просто такой мир, где её способности не действуют.

Такое случалось, хоть и очень редко. Попадались среди бесчисленных миров Великой Сферы такие, что пронзавшие их магические потоки отчего-то не взаимодействовали с материальной плотью этих миров – даже у истинных магов, рождённых в Долине и изначально обречённых на служение Волшебству. В Гильдии сохранились описания трёх таких миров. Не исключено, что Клару заточили в одном из них.

Впрочем, маг Долины способен на многое и без всякого волшебства. Пусть нельзя зачерпнуть сил из окружающего мира – зато они есть в тебе, пусть немного, но есть.

Сперва Клара хотела как следует разглядеть внутренности своей камеры – или куда там её бросили? – но, по здравом размышлении, отказалась от этой мысли. Сил мало. Их надо беречь... беречь на самый крайний случай вроде повешения, колесования или сожжения. Все эти способы физического воздействия на магов Клара очень не любила. Её саму сжигали ни много ни мало трижды.

Она продолжала лежать неподвижно. Если её не убили сразу – значит, похитителям от неё что-то нужно. Это могла оказаться и церемония публичной казни, но так или иначе они не попытались расправиться с ней сразу же и потихому, что заставило Клару немедленно преисполниться к ним величайшего презрения. Идиоты. Они не понимают, что теперь с ними расправится она и второй раз её мельинская ошибка уже не повторится. А потом она приведёт сюда хоть всю Гильдию, и они зальют этот мир огнём от горизонта и до горизонта, буде им придет такое в голову и не вмешаются местные боги.

Впрочем, доводилось нам переводываться и с богами.

Тьма внезапно изменилась. Нет, в неё не проникло ни единого лучика; волшебница почувствовала присутствие трёх живых существ; потянуло едва заметным кислым запахом.

Перестукнули копыта.

– Эй, чародейка! – послышался осторожный оклик. – Мы знаем, ты вернулась в себя.

Говоривший пользовался языком Долины, и это Кларе сильно не понравилось.

– У нас не принято лишать даму одежды, если с ней хотят говорить, – надменно-королевским тоном проронила она.

– Нам надо было убедиться, что ты не скрываешь на себе никаких амулетов, – почти извиняющимся тоном произнёс голос.

– Ну и как, убедились? – невозмутимо поинтересовалась Клара.

– Убедились, чародейка, ты можешь получить своё обратно...

– Вот тогда и поговорим, – отрезала Клара. – Да, и я хочу, чтобы здесь было светло. Терпеть не могу сумрака. У меня в темноте без косметики нездоровый цвет лица.

– Твои желания несложно выполнить, волшебница. – Упругий воздушный толчок, и возле правой Клариной руки упал тугой свёрток с одеждой. Несколько мгновений каких-то перешёптываний – тьма сменилась неярким светом.

Сузив до предела зрачки, Клара рассматривала своих пленителей.

Один из них имел гротескный вид рогатого получеловека с поросшими густой грязно-серой шерстью козлиными ногами. Над ушами торчали заливчатского вида витые рога.

Двое других выглядели точь-в-точь как те, что захватили Клару в Мельине. Они парили на высоте примерно человеческого роста, больше всего похожие на исполинских скатов, только с пучком щупалец возле провала пасти, как у морских кальмаров. Глаз их Клара не разглядела – провалы на гладкой коже были залиты темнотой.

– Отвернитесь! – скомандовала волшебница. – У нас не принято, чтобы другие глазели, как дама одевается.

Козлоногий послушно отвернулся. Два летучих существа тоже повиновались, но с явной неохотой.

Пока волшебница одевалась, выяснилось, что её одежда с патологической аккуратностью избавлена от всех тех небольших сюрпризов, что всегда имеет с собой любой боевой маг на случай внезапных и непредвиденных осложнений. Здешние хозяева понимали толк в чародействе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.